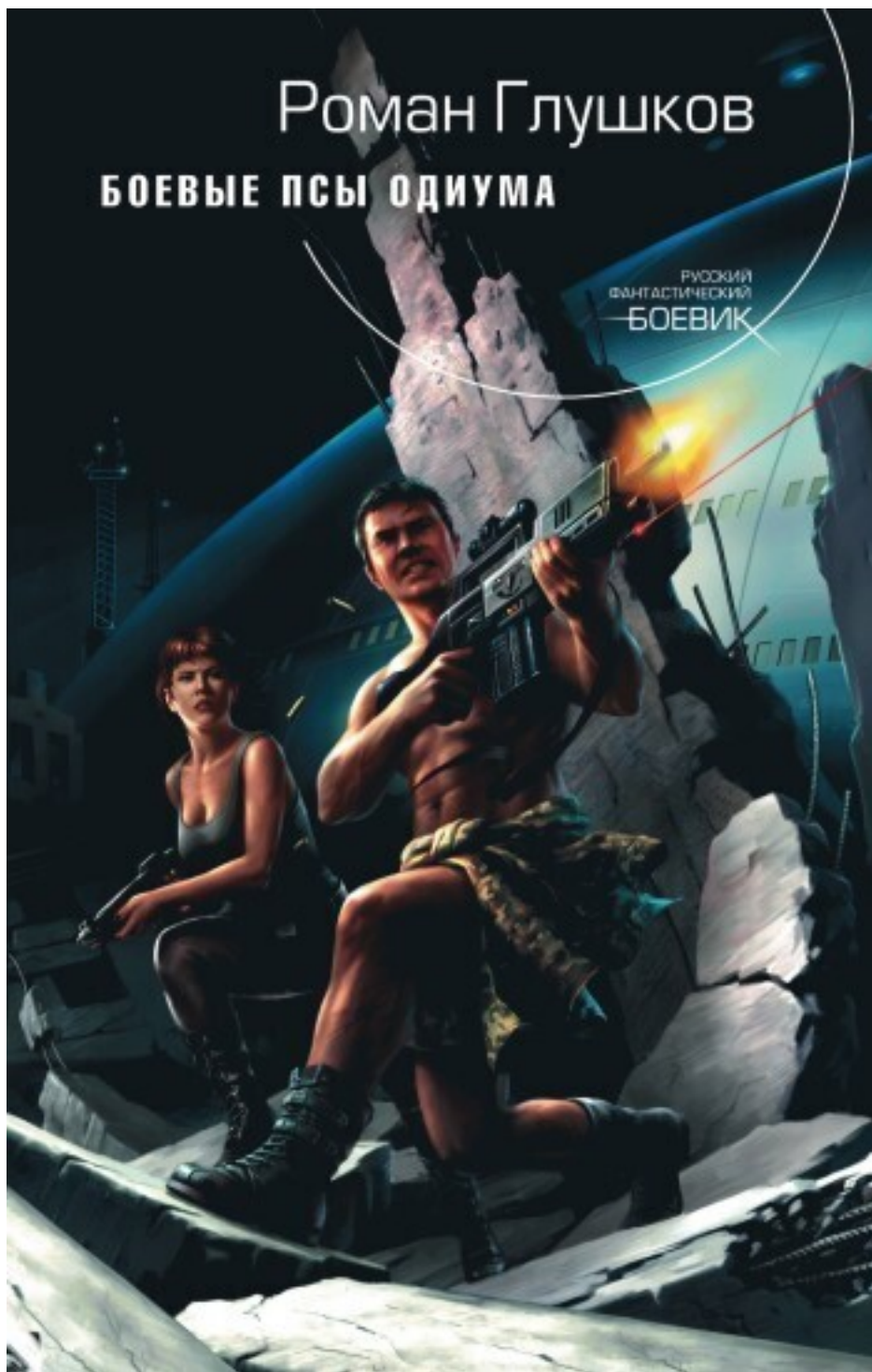

Роман Глушков
БОЕВЫЕ ПСЫ ОДИУМА

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Роман Глушков
Боевые псы Одиума

«ЭКСМО»

2007

Глушков Р. А.

Боевые псы Одиума / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2007

ISBN 5-699-20400-8

Превентор Бунтарь и его подруга Невидимка не подозревали, что была отбракованы в ходе чудовищного научного проекта. Клиническая смерть во время эксперимента по созданию расы суперсолдат не смогла выжечь из них все человеческие чувства. Зато остальные четырнадцать добровольцев были успешно превращены в идеальных воинов будущего – хладнокровных, расчетливых, беспощадных убийц. Именно с этими боевыми псами Одиума предстоит сражаться Бунтарю и Невидимке, на которых открыли безжалостную охоту руководители проекта, стремящиеся замести следы своих преступлений.

ISBN 5-699-20400-8

© Глушков Р. А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	20
Глава третья	37
Глава четвертая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Роман Глушков

Боевые псы Одиума

«Игра может казаться честной, если все ее участники обмануты в самом начале».

Стивен Кинг «Долгая прогулка»

«Очень печально, что стремление людей уменьшить зло порождает так много нового зла»

Георг Лихтенберг

Глава первая

Бунтарь знал, что ему приходится бывать на Помосте гораздо чаще остальных превенторов. Сложно сказать, по чьему распоряжению это делалось – Лидера или же самого Претора, – но в том, что Бунтарь появлялся на арене для поединков по особому расписанию, виделась несомненная логика.

Нет, никто не оказывал таким образом чести превентору, носившему первый порядковый номер. Как, впрочем, и не стремился сжить со света Бунтаря, самого своенравного бойца охранной группы «Ундецима». Хотя именно благодаря своей хронической строптивости он появлялся на Помосте два, а то и три раза в неделю, неся таким образом заслуженное наказание. Но не воспитательное, а скорее профилактическое, поскольку перевоспитать Первого подобными мерами было бы невозможно. И Лидер, и Претор прекрасно понимали это, однако продолжали для острастки наказывать Бунтаря даже тогда, когда он вроде бы стал держать себя в рамках приличия.

Быть Первым в «Ундециме» отнюдь не почетно. Вот Лидер, к слову, был Седьмым, но тем не менее Претор назначил его старшим над остальными десятью превенторами. Бунтарь полагал, что это несправедливо. Будь он Претором, то поставил бы во главе своего подразделения кого-нибудь другого. Третьего – Мыслителя к примеру. По мнению Бунтаря, этот превентор подходил для командирской должности лучше, чем любой из них. Мыслитель пользовался в группе не меньшим авторитетом, чем Лидер, к тому же мог рассуждать о чем угодно и при этом не заглядывать поминутно в Скрижаль, как педант Седьмой. Да, Третий был бы неплохим Лидером, а вот Лидеру стать Мыслителем не суждено при всем старании – слишком ограниченно у него мышление. Бунтарю же не светило место ни того ни другого. Но Первый не завидовал товарищам, потому что не видел для этого повода.

Как не видел он повода для зависти и в том, что, в отличие от него, все превенторы могли беспрепятственно перемещаться по Периферии, а он был вынужден жить в изоляторе, покидая его лишь затем, чтобы опять выйти на Помост и получить очередную профилактическую взбучку. Или принять участие в хозработах – как соизволит командование. Претор искренне думал, что, приказав Лидеру ограничить смутьяну свободу, он тем самым избавил «Ундециму» от досадной проблемы. Бунтарь, напротив, считал, что, заперев его в изоляторе, вождь оказал Первому большую услугу, поскольку в действительности изолировал не его от остальных, а совсем наоборот. По крайней мере, Первый не узрел в приговоре Претора какого-либо ущемления свободы и не воспринял свое заточение как наказание.

И действительно, о какой свободе вообще могла идти речь на Периферии – примыкающем к горному склону участке площадью в половину квадратного километра, обнесенном тремя рядами колючей проволоки и валом, поверх которого была выстроена кирпичная стена

в два человеческих роста? Да, превенторы чувствовали себя полноправными хозяевами Периферии, но разве это давало им право называться свободными людьми?

Бунтарь рассмеялся Лидеру в лицо, когда тот довел до него приказ о сепаратном содержании Первого. Но, с другой стороны, что еще мог предпринять Лидер в отношении подчиненного, который публично разбил свою Скрижаль и отказался соблюдать заветы Претора? Никто не имел права изгонять Бунтаря за колючую проволоку, в Одиум, а возвращаться в подземный город Контрабэллум, форпостом которого на поверхности и являлась Периферия, превенторам строго запрещалось.

Бунтарь категорически отказался считать заветы Претора единственно правильными, но наказание сносил молча, как и пристало состоящему на воинской службе человеку. В этом плане Первый продолжал оставаться дисциплинированной служаккой, пусть его и не устраивали сложившиеся на Периферии порядки. В конце концов, лучше уж получать синяки и шишки на Помосте, чем нести унылые суточные вахты на сторожевой башне. Туда Бунтаря уже не допускали, поскольку Лидер не доверял наблюдению за округой потенциально ненадежному возмутителю спокойствия. Поэтому и приходилось Первому служить для собратьев постоянным спарринг-партнером – тоже своего рода вахта, пусть краткосрочная, зато более напряженная.

Вряд ли введенные Претором в гарнизоне порядки нравились всем без исключения превенторам, но они никогда не выражали свое недовольство вслух. Других бунтарей в «Ундециме» не водилось, в чем заключался несомненный плюс, будь на Периферии таких, как Первый, не один, а хотя бы двое, и проблем от этого тоже прибавилось бы, как минимум, в два раза.

Знай Бунтарь, что этот вызов на Помост станет для него последним, вероятно, он проникся бы торжественностью момента и постарался каким-нибудь образом сделать рутинное наказание запоминающимся. Однако ни Бунтарь, ни Лидер, с которым ему пришлось сегодня биться, пока еще понятия не имели, что судьба больше никогда не сведет их на арене для поединков.

Утро последней субботы месяца началось вполне обычно. В семь часов над карантинным шлюзом – единственным выходом из подземного города на поверхность – завывла сирена, давая понять, что в шлюзовой камере превенторов ожидает присланный из Контрабэллума контейнер с продовольствием и необходимыми в хозяйстве вещами. Протяжные гудки сирены извещали о том, чтобы обитатели гарнизона готовились к приему груза, который требовалось переправить из шлюзовой камеры на склад за полтора часа. В половине девятого вновь звучала сирена, ворота шлюза закрывались, и перевозчики, доставившие «Ундециме» из подземного города груз, должны были вернуться и забрать пустой контейнер. За те пять лет, что превенторы провели на поверхности, график поставок и процедура разгрузки не претерпели никаких изменений.

Бунтарь не спрашивал, что за шлея попала сегодня спозаранку Лидеру под хвост и почему командир решил провести свой поединок именно тогда, когда остальные превенторы будут заняты разгрузкой контейнера. Наверное, Седьмой просто решил размяться перед завтраком, поскольку делать это, помогая подчиненным таскать коробки на склад, было для Лидера несолидно. В любом случае, Бунтарь вышел на свой последний поединок на Помосте в обычном предбоевом настроении: здоровая злость и предвкушение того, что сейчас Первый, то есть он, снова получит шанс отплатить Седьмому за застарелые обиды.

Вид на Одиум с Помоста, как, впрочем, и с любой другой высотной точки Периферии, открывался великолепный. Если Бунтарь поворачивался спиной к карантинному шлюзу, то по правую руку от него оказывалась гряда высоких гор в сверкающих снеговых шапках. На горных склонах росли разлапистые ели, и казалось, будто это именно они удерживали на вершинах снег, мешая ему лавинами скатываться к подножию гряды. Слева за гарнизонным

забором находилось неширокое, но протянувшееся на несколько километров озеро, на дальнем берегу коего тоже возвышались горы. А прямо перед Бунтарем раскинулась прибрежная долина, поросшая так же, как склоны гор, густым хвойным лесом, отражающимся в прозрачных озерных водах, будто в зеркале.

Плотная стена деревьев разделялась надвое неширокой просекой. Когда-то по ней была проложена ведущая к Периферии из Одиума грунтовая дорога. Но теперь она полностью заросла травой и высоким кустарником, поскольку связь Контрабэллума с остальным миром давно прервалась. Редкие любопытные, что порой околачивались у стен гарнизона и иногда норовили проникнуть на Периферию, не могли протоптать в лесу даже тропку, не говоря уже о том, чтобы проторить новую дорогу.

При виде столь живописной картины у любого оказавшегося здесь гражданина Контрабэллума должно было перехватывать дух и возникать искушение вырваться на свободу. Бунтарь не однажды пытался представить, что чувствовал бы он, если бы прожил долгое время в подземном городе, а затем вышел на поверхность и взглянул на раскинувшийся перед ним безграничный Одиум. Вряд ли в такой момент Первый думал бы об ужасах, что творились за теми горами и лесом, о гнусных пороках, в коих погрязли обитатели Одиума, и о ненависти, которую неминуемо обрушили бы они на выходца из «более совершенного мира» – под таким определением значился Контрабэллум в Скрижалях каждого превентора.

Бунтарь допускал, что это утверждение Претора справедливо. Все люди, что забредали сюда из-за гор, производили на превенторов крайне негативное впечатление. Крикливые и неохотно реагирующие на требования хозяев, пришельцы бродили вокруг Периферии и почти всегда оставляли за собой кучи мусора. Его, скрепя сердце, приходилось убирать Лидеру – единственному превентору, которому позволялось пересекать охранный периметр. Мусора за двумя-тремя пришельцами порой оставалось так много, что Бунтарь поневоле ужасался тому, в какие же помойки наверняка превратились сегодня города Одиума, где проживают миллионы жителей.

Но обо всех этих ужасах обычный гражданин Контрабэллума, оказавшись он вдруг на Периферии, задумался бы уже во вторую очередь. А Бунтарь, находясь на Помосте, не задумывался и вовсе. Как не задумывался и ни о чем другом, поскольку не привык забивать голову посторонними мыслями во время поединка.

Тренировочные бои проводились либо на кулаках, либо на страйкерах – метровых деревянных дубинках с закругленным концом и двуручной рукоятью. Лидер – а именно он всегда диктовал на Помосте правила – выбрал сегодня второй вариант. Как и всегда, Бунтарь не имел ничего против – со страйкером он обращался неплохо.

Худощавый, среднего роста и на вид слегка неуклюжий Бунтарь на первых порах вводил в заблуждение многих своих соперников по Помосту. Особенно тех, кому проигрывал в росте и весе, как, например, Лидеру. Синие глаза Бунтаря не источали свирепость и не повергали врага в дрожь; обычный взгляд осторожного, но уверенного в себе человека, который, казалось, вовсе не настроен на схватку и готов прекратить ее, если противник вдруг откажется сопротивляться. За пределами Помоста взгляд Первого мог даже вызвать доверие, но, правда, лишь у тех, кто плохо знал строптивца, а таковых сегодня на Периферии не было.

Если судить по внешним признакам, то Седьмой больше походил на бойца, нежели его сегодняшней соперник. Рослый – свыше двух метров, – статный брюнет с массивным, типично «лидерским», волевым подбородком, Лидер мог бы выйти с голыми руками даже против двух вооруженных противников. Он и выходил, только с Бунтарем почему-то всегда предпочитал драться один на один. Судей на Помосте не было, особых ограничений – тоже. Дерись, как умеешь, только не калечь соперника. Дисциплинированные превенторы незыблемо подчинялись этому кодексу, хотя порой их тренировочные схватки выдавались весьма горячими.

В который раз Бунтарь смотрел в глаза Лидера, вознамерившегося отдубасить его страйкером, но так и не мог определить, действительно ли Седьмой желает ему зла или же просто выпускает таким образом пар. Бил Лидер крепко, но без той отчаянной ярости, с какой обычно дрался на Помосте их товарищ по оружию Бледный. Однако и без подобных выплесков злобы бои с командиром были, пожалуй, самыми тяжелыми из всех, что успел провести Бунтарь за пять лет жизни на Периферии...

Лидер совершил несколько коварных выпадов, проводя ложные атаки вперемешку с настоящими, а рубящие удары чередуя с тычковыми. Из всех превенторов Седьмой обладал самым стремительным и мощным ударом. Под стать ловкому командиру со страйкером обращалась только Невидимка – хорошая и, пожалуй, единственная подруга Бунтаря в жизни, но непримиримая противница на Помосте.

Замешкайся сейчас Бунтарь или поддайся на провокацию, и он уже непременно валялся бы без сознания и с внушительной шишкой на голове. Но Первый быстро приноровился к давно изученной им манере боя противника и вскоре стал не только с успехом уворачиваться от ударов, но и определять, когда вражеская атака будет ложной, а когда настоящей.

На Помосте имелось достаточно места для маневров, но падать с лишенной перил деревянной площадки никому из противников не хотелось. Помост был возведен на высоте двух метров от земли, поэтому неудачное падение с него могло завершиться даже свернутой шеей. Но не было еще на памяти Бунтаря такого боя, когда один противник не пытался бы загнать другого к краю площадки, чтобы спихнуть его оттуда под восторженные крики своих болельщиков. Бунтарь и сам применял такую уловку, равно как имел неосторожность падать с Помоста на рассыпанный внизу песок. Всякое случалось за эти годы – и победы, и поражения, хотя у Лидера количество первых явно превалировало над последними.

Не слишком мудреная тактика – уклониться от атакующего тебя громилы и дать ему сорваться вниз. Но с Седьмым такие шутки сроду не проходили. А вот ему уже дважды удавалось раньше скидывать Бунтаря с Помоста. Причем один раз, наиболее обидный, – буквально на стартовых секундах боя. С тех пор Бунтарь не пытался подшучивать в бою над Лидером, поскольку такие шутки легко могли обернуться для Первого горькими последствиями.

В начале боя Бунтарь все же не сумел проявить должную сноровку и заработал себе парочку ушибов и рассеченную бровь. Мог бы заработать еще, но после первых пропущенных ударов в нем закипели обида и гнев, поэтому дальше безнаказанно колошматить себя превентор не позволил. И после того как он провел несколько удачных контратак, пришлось уже Лидеру задуматься о защите, которой он, окрыленный первоначальным преимуществом, решил было пренебречь.

Время боя на Помосте не регламентировалось. Обычно превенторы бились до победы, каковой считались либо нокаут, либо иные ее формы вроде болевого захвата или обездвиживания противника. Сдаваться, будучи в силах продолжать схватку, считалось среди превенторов недостойным поступком. И потому порой бывало так, что в ходе одного боя некоторым «счастливчикам» выпадало по несколько раз меняться ролями победителя и проигравшего.

Бунтарю не нравились многие существующие в «Ундециме» не оговоренные Скрижалью правила, но насчет них он возмущался редко. Все-таки эти нормы были выработаны уже в узком превенторском кругу, а не навязаны Претором, и, следовательно, вынуждали относиться к ним с большим уважением.

Бунтарь отер с лица кровь, текущую из рассеченной брови, и именно в этот миг Лидер ринулся в яростную атаку – видимо, нарочно подгадывал момент, когда соперник пусть ненадолго, но отвлечется. Однако Первый был начеку. Он крутанулся волчком, отбив нацеленный ему в солнечное сплетение страйкер, после чего, уйдя с линии атаки, нанес промахнувшемуся противнику удар в затылок.

Седьмой потерял равновесие и упал на колени в шаге от края площадки, после чего, опасаясь, как бы противник не спихнул его с Помоста, попятился назад. Всего на секунду упустил Лидер из внимания Бунтаря, но тому хватило времени осуществить задуманный прием.

Прыгнув противнику на спину, Бунтарь заехал ему локтем под основание черепа – не слишком сильно, дабы ненароком не убить, но вполне достаточно для того, чтобы у Седьмого пропали желание и возможность продолжать схватку. Пусть знает, как выгонять подчиненных на Помост перед завтраком и дубасить их палкой. Возможно, на сытый желудок Первый вел бы себя погуманнее, хотя в отношении к Лидеру этот гуманизм и тогда вряд ли проявился бы. Из всех одиннадцати превенторов командира «Ундецимы» Бунтарь охаживал на Помосте безо всякого сожаления, даже будучи в хорошем расположении духа...

Никаких сюрпризов этот бой не преподнес: вполне обычная победа, и уже завтра Лидер мог легко взять у Бунтаря реванш. Обидно только, что сегодняшней триумф Первого случился не при свидетелях – собраты были заняты разгрузкой контейнера.

Бунтарь полагал, что раз уж он сегодня отбил досрочно, то прежде чем препроводить его обратно в изолятор, Лидер все-таки загонит триумфатора на хозработы. Однако несмотря на то, что сегодняшней выход на Помост выдался короче обычного, разгрузка завершилась еще раньше, чем Первый отправил Лидера в нокаут.

Это было, мягко говоря, необычно. На памяти у Бунтаря еще ни один доставленный из Контрабэллума на Периферию контейнер не разгружался столь оперативно. Вон в прошлом месяце Лидеру даже пришлось подгонять подчиненных, чтобы те успели перетаскать за полтора часа все коробки – столько всевозможного добра прислал «Ундециме» заботливый Претор. Нынче же превенторы управились быстрее, чем за двадцать минут... Странно...

Не исключено, что прежней превенторской вахте, которая несла на поверхности службу до «Ундецимы», было не привыкать к скудным поставкам. Как говорилось в Скрижали, в первые годы существования Контрабэллума производство необходимых для жизни товаров в изолированном от мира городе еще только налаживалось, и потому снабжение тогда шло из рук вон плохо. Но пять лет, которые провел на Периферии Бунтарь, бойцы передового гарнизона всегда жили на щедром материальном обеспечении.

Одиннадцать человек – семь мужчин и четыре женщины – вышли пять лет назад из ворот Контрабэллума и с тех пор несли службу, надежно оберегая свой город от обитателей Одиума. За это Претор снабжал «Ундециму» всем необходимым для жизни – по крайней мере, жаловаться на голод или отсутствие медикаментов превенторам пока не доводилось.

– Надеюсь, на следующей неделе ты дашь мне отдохнуть от Помоста, – сказал Первый, помогая Лидеру подняться на ноги. Бунтарь сполна поквитался за испорченный завтрак и теперь мог позволить себе в отношении к проигравшему небольшое великодушие. «Интересно, – подумал при этом Бунтарь, – а если бы один из нас прикончил другого, где бы захоронили тело: здесь, на Периферии, или же отправили бы его вниз, в Контрабэллум?» Наверное, Скрижаль могла бы дать ответ на этот вопрос, но сегодня у Первого не было возможности спросить об этом у электронного советника.

– Как будто ты у себя в изоляторе перетруждаешься! – мотая подбитой головой, буркнул только что оклемавшийся командир. Бунтарь пожалел, что заикнулся на эту тему, но было поздно: теперь Лидер назло устроит Первому один, а то и два внеплановых боя. Сейчас Седьмой говорил с ним, однако не отрываясь смотрел в сторону шлюза, очевидно, у Лидера тоже вызвала недоумение нынешняя скудная поставка из города. – Живешь по особому графику, еще и вечно чем-то недоволен, – добавил он. – Проклятие, неужели это все, что они нам сегодня прислали?! У них там что, продуктовый кризис?.. Ты это... иди к себе, Бунтарь. Сейчас я пришло в изолятор Невидимку – она заштопает тебе бровь. А через полчаса зайду сам – мне надо с тобой поговорить.

– О чем? – полюбопытствовал Первый, хотя и догадывался, что ничего хорошего от грядущего разговора с Лидером ожидать не следует. Из всех превенторов Бунтарь был последним, с кем командир согласился бы поболтать просто так, от нечего делать. Поэтому, если Лидер желал-таки провести с Первым беседу, значит, на то имелась веская причина.

Однако что могло послужить причиной на сей раз, Бунтарь пока не подозревал. Разве только это было как-то связано со странной поставкой из Контрабэллума... Но явно не по поводу нарушения дисциплины – сегодня предъявлять Первому такие обвинения было безосновательно. Трехлетняя изоляция строптивца погасила в «Ундециме» все конфликты, и Седьмому уже давно не приходилось предпринимать дополнительные меры для поддержания порядка на Периферии.

Лидер не ответил Первому и неуверенной, шаткой походкой побрел к шлюзовому отсеку проверять доставленный груз. Бунтарь постоял еще немного у Помоста, наслаждаясь прохладным утренним ветерком, освежающим разгоряченное лицо, посмотрел на горы, которые не были видны с террасы его изолятора, после чего, уже не задерживаясь, зашагал обратно, на противоположный край Периферии. Он возвращался домой... насколько вообще было применимо данное определение к собственной тюрьме.

Дом... Бунтарь знал, что и в Контрабэллуме, и в Одиуме это слово означало нечто большее, чем обычное строение, где можно укрываться от дождя и холода. И выглядели эти дома в большинстве своем отнюдь не так, как квадратные серые постройки, в которых жили и несли службу превенторы. Скрижаль охотно демонстрировала бойцам «Ундецимы» картинки с видами не только Контрабэллума, но и прочих городов планеты, куда гражданам подземного города-республики был заказан путь.

Из всех превенторов Бунтарь один возмущался такой мерой предосторожности. Мыслитель – единственный человек, который до изоляции Первого соглашался разговаривать с ним на любые темы, – однажды выслушал недовольство товарища и заявил следующее: раз уж больше никто на Периферии не испытывает желания разгуливать по Одиуму, значит, тяга Бунтаря к свободе – противоестественное для превенторов исключение. Возможно, не изжитое до конца дурное наследие прежней жизни. Странно, почему Бунтарь вообще поддержал в свое время Претора и последовал за ним в закрытый подземный город? Ведь все граждане Контрабэллума были заранее предупреждены, что назад для них дороги не будет.

«Не отбери каждого из нас на службу лично Претор, – сказал тогда Мыслитель, – то я бы решил, что тебя подослали к нам из Одиума, чтобы ты искушал нас вернуться обратно».

Нет, Бунтарь очутился на Периферии, как и прочие превенторы: вышел из недр Контрабэллума пять лет назад с короткой дубинкой-страйкером в руке и Скрижалью на поясе. Закрывшиеся за спиной Бунтаря стальные ворота карантинного шлюза являлись той преградой, в которую упирались все его воспоминания о прошлом. Что происходило с Первым до этого момента, он, как и прочие превенторы, не помнил. Зато превосходно знал, зачем они появились на Периферии, кому служат и как следует поступать, если у тебя возникают какие-нибудь вопросы.

Вопросов поначалу имелось очень много. Ответы же на них были заключены в Скрижали – компактном, чуть больше ладони, устройстве, на дисплее которого отображалась затребованная превентором информация. Надо было лишь нажать одну-единственную красную кнопку и точно сформулировать вопрос, произнеся его четким голосом. Долго ждать ответа не приходилось. Он отображался текстом на дисплее максимум в течение минуты – доходчивый и предельно емкий.

Поначалу жизнь казалась Бунтарю простой и необременительной. Сегодня, по прошествии пяти лет, было даже удивительно, почему раньше Первый в упор не замечал большинство терзающих его ныне проблем. Вон остальные превенторы до сих пор совершенно равно-

душны к тому, что происходит за пределами Периферии. А если изредка и задумываются над этим, то только после того, как Бунтарь озадачит их своими вопросами.

Задумываются и сразу кидаются за советом к Скрижали. А та успокаивает превенторов, уверяя, что много думать – это нехорошо, поскольку их задача – не думать, а охранять периметр и следить за округой. За «Ундециму» думает Претор – вождь и благодетель Контрабэллума; самый мудрый человек на планете, который вот уже много лет озабочен спасением человеческой цивилизации... Даже рассудительного Мыслителя устраивало такое положение дел, не говоря уже о Лидере и остальных. Но только не Бунтаря, казалось бы, одного роду-племени с остальными обитателями гарнизона, но почему-то вечно недовольного добровольно избранной для себя судьбой.

Само собой, Скрижаль отвечала Первому и на те вопросы, какие остальные превенторы никогда не задавали этой коробочке с красной кнопкой. Однако Бунтаря такие ответы не удовлетворяли.

«Кто я?» – не однажды пытался спрашивать он Скрижаль.

И всегда получал одинаковый ответ:

«Доброволец, выбранный из числа лучших граждан Контрабэллума для охраны его форпоста от посягательств извне. Мы не воюем с Одиумом, однако не все его обитатели относятся к нам с терпимостью. Поэтому вы и ваши товарищи вызвались оберегать Периферию до тех пор, пока вас не отзовут обратно».

«Но почему я совершенно не помню ни Контрабэллум, ни свое прошлое?»

«Вы слишком долго прожили в подземном городе, – отвечала Скрижаль. – Перед вашим выходом на поверхность планеты вас при помощи гипноза заставили полностью забыть собственное прошлое, чтобы вы не были шокированы и сумели адаптироваться к резкой перемене обстановки и длительному сроку службы. Вам обязательно восстановят память, как только ваша вахта закончится».

«Когда это случится?».

«Информация засекречена».

«Что заставило меня стать гражданином Контрабэллума?».

«Вас не устраивали порядки Одиума, и вы, подобно прочим добровольцам, решили поддержать Претора и примкнуть к его многочисленным единомышленникам, озабоченным грядущим крахом современной цивилизации и пытающимся сохранить все самое лучшее, чего она успела достичь. Чтобы потом на ее руинах создать новую, более прогрессивную и мирную».

«Я хочу встретиться с Претором».

«Это невозможно. Никто из граждан Контрабэллума, кроме превенторов, не имеет права покидать город. Вам также запрещено возвращаться в город до истечения срока службы и контактировать в карантинном шлюзе с поставщиками продовольствия».

«А если я захочу уйти со службы?»

«Тем самым вы нарушите договор и присягу, которую дали гражданам Контрабэллума, поклявшись безоговорочно исполнять возложенный на себя долг превентора до тех пор, пока вас не отзовут с поста»...

Вопрос об уходе со службы был задан Бунтарем безо всякой задней мысли. Ни в какую отставку он, естественно, уходить не собирался. И не только потому, что принял присягу и подписал договор, из которых, увы, не помнил ни строчки. Бунтарь выражал недовольство условиями службы, но сама Периферия ему нравилась. После того как он насмотрелся на забредающих сюда обитателей Одиума, у Первого пропало всякое желание покидать гарнизон, даже из чистого любопытства. Но еще сильнее Бунтарю не хотелось возвращаться назад, в Контрабэллум, где не было леса, гор, солнца и голубого неба. А были лишь каменные стены и высокий бетонный свод над головой, чьи изображения демонстрировала Скрижаль. Не поэтому ли Бунтарь записался в превенторы, чтобы надолго покинуть унылый подземный город?

Иной причины своего нахождения здесь Первый не видел. Вряд ли он подписал тот кабальный договор, движимый лишь беззаветной преданностью Контрабэллуму и Претору. Вот для Лидера и остальных превенторов такая благородная цель вполне могла бы стать побудительной причиной для службы на Периферии. Никто из собратьев Бунтаря сроду не признавался Скрижали в сомнениях касательно истинности выбранного жизненного пути. И наверняка не признался бы, проторчи они на Периферии еще пять лет. При вступлении в «Ундециму» Первый руководствовался иными побуждениями, это бесспорно. Иначе он непременно испытывал бы сейчас к родному городу такие же, как у всех, любовь и патриотизм.

Внешний мир, который Претор именовал Одиумом, катился в пропасть, погрязнув во всех мыслимых и немыслимых бедах. В стране, на территории которой находился город-государство Контрабэллум, только что отгремела Новая Гражданская война, что велась за независимость Пятьдесят Первого штата. И в этом не было ничего необычного: половина планеты была сейчас охвачена всевозможными войнами. Но и в более-менее спокойных уголках Земли людям жилось не лучше. Эпидемии, экологические катастрофы, низкая рождаемость и высокая смертность вели человечество к неминуемой гибели. Претор уверял: крах современной цивилизации может наступить буквально со дня на день («Уж не он ли ознаменует окончание нашей вахты?» – постоянно гадал Бунтарь).

И когда это произойдет, когда отгремят все войны и на планете перестанет свирепствовать смерть, тогда-то чистые духом и помыслами граждане Контрабэллума выйдут из подземелий. Выйдут и возродят исчезнувшее Человечество, чтобы повести его другим путем – созидательным и мирным. И сейчас здесь, на безлюдном севере, закладывался фундамент нового мира, а одиннадцать превенторов принимали в этом самое непосредственное участие...

Бунтарь в сердцах разбил о камень свою Скрижаль, когда однажды осознал, что как бы он ни формулировал волнующие его вопросы, ничего толкового от Скрижали ему все равно не добиться.

«Информация засекречена» – Первый давно сбился со счета, сколько раз он видел эту надпись на дисплее Скрижали. После публичного надругательства Бунтаря над святыней Претор и приказал Лидеру содержать неблагонадежного превентора в изоляции от остальных. Бунтарь догадывался, что приказ об этом исходил именно от Претора – вряд ли Лидер осмелился применить столь жесткое наказание, не посоветовавшись со Скрижалю. И тот факт, что мудрый вождь приказал изолировать Бунтаря, а не отправить его назад, в Контрабэллум, лишний раз подтверждал, что в подземном городе такие смутьяны тоже не нужны...

Изолятор, ставший для Бунтаря домом, располагался на краю Периферии, почти у самого озера, но между берегом и зданием находилась ограда, ров и проволочный периметр. Само по себе здание было довольно просторным и даже относительно комфортным. Из-за устройства второго этажа оно походило на большой квадратный башмак, в пятке которого проделана дверь, а на мыске оборудована маленькая – пять на пять метров – терраса, полностью обнесенная решетками.

Лидер нарочно отобрал для изоляции Первого это строение, поскольку не хотел добавлять превенторам хлопот с ежедневными прогулками заключенного. Поселившись здесь, Бунтарь мог хоть сутки напролет торчать на зарешеченной террасе, дыша свежим воздухом и любясь природой. Чем узник и занимался в свободное время, вот уже три года не становясь ни для кого обузой.

Дверь в изолятор запиралась снаружи, но эта предосторожность была вызвана скорее требованиями режима, нежели реальной необходимостью. Лидер это тоже знал и потому не предпринимал в отношении заключенного других мер пресечения вроде караула или дополнительного ограждения вокруг изолятора.

Бунтарь не покидал дом без приказа. С тех пор как Первому запретили ходить по Периферии и баламутить собратьев провокационными расспросами, он предпочитал уединение, скрашивая его прослушиванием музыки, диски с которой также доставлялись из Контрабэллума, или физическими тренировками на воздухе, для чего на террасе у Бунтаря имелось необходимое оборудование. Но чаще всего Первый сочетал оба этих занятия. После них он чувствовал себя на удивление бодро, хотя раньше и не особо любил тренироваться в свободное время.

Читал узник редко, хотя Претор регулярно присылал на Периферию наиболее «правильные», с его точки зрения, книги. Подбирались они, судя по всему, по одному критерию: в них непременно рассказывалось обо всех царящих в Одиуме ужасах наподобие войн или экологических бедствий. Их красочное описание должно было отваживать превенторов от искушения покинуть пост и вернуться в тот мир, с которым все они когда-то добровольно и осознанно распрощались.

Бунтарь знал, что в Одиуме есть тысячи способов проведения досуга хорошо и с пользой, но на Периферии превенторам было доступно лишь несколько. И сегодня узник собирался заняться самым приятным из них, поскольку к нему в гости должна была заглянуть его лучшая подруга Невидимка. Бунтарь спешил домой в предвкушении ее скорого визита и полагал, что если в ближайшие четверть часа на Периферии не произойдет ничего непредвиденного, то его сладостные надежды имеют реальный шанс сбыться...

Однако непредвиденное все-таки случилось – редчайшее, надо признать, для Периферии досадное совпадение. Не успел еще Первый дойти до изолятора, как наблюдатель на башне нажал кнопку тревоги, и над гарнизоном раздался вой сирены, гораздо более громкий, чем тот, что будоражил превенторов при открытии карантинного шлюза.

Бунтарь встрепнулся и посмотрел вдаль – туда, где через лес шла давно заросшая просека. Незваные гости из Одиума обычно появлялись со стороны леса, после чего, утолив любопытство, той же дорогой удалялись обратно. Во время их визитов превенторы выходили на стену и контролировали, чтобы пришельцы не перелезли через проволочное ограждение. Но те еще никогда не осмеливались на такое геройство – преодолеть тройной периметр из колючей проволоки без необходимого инструмента было бы очень сложно.

Самые серьезные эксцессы за минувшие пять лет возникали несколько раз у гарнизонных ворот. Сначала туристы из Одиума – с их слов, активисты какого-то движения в защиту природы – требовали, чтобы их пустили на Периферию, а затем, получив отказ, пытались прорваться туда силой. Превенторы без особого труда выталкивали настырных визитеров за периметр даже без применения страйкеров. Изгнанные пришельцы подолгу возмущались, швырялись камнями, обещали кому-то пожаловаться, стращали бойцов «Ундецимы» увольнением со службы, но дальше этих угроз дело никогда не заходило. Оскорбленные активисты удалялись, а когда появлялись снова – периодически это случалось примерно раз в полгода, – их опять ожидало фиаско.

Бунтарь пристально всмотрелся в лесные дебри, но, как выяснилось, сегодня нарушители спокойствия двигались не по земле. Небольшой вертолет, похожий издали на хвостатого головастика с лапками, двигался над лесом параллельно просеке, с ритмичным шумом рассекая винтом воздух. Летательный аппарат приблизился довольно быстро: не прошло и минуты, как он появился из-за горизонта, и вот уже шумный гость кружит над Периферией, водя из стороны в сторону L-образным хвостом, на коротком конце которого тоже вращался маленький закрытый винт-фенестрон.

Лидер, который только начал пересчитывать выгруженные из контейнера коробки, теперь спешил к башне, придерживая на бегу фуражку. Лицо Седьмого было крайне растерянным – Бунтарь еще никогда не видел командира в таком смятении. Остальные превенторы высыпали на середину Периферии со страйкерами в руках и удивленно пялились на приближающийся

геликоптер. Никто из «Ундецимы» за эти годы не видел так близко летающие машины Одиума, изображения коих также хранились в Скрижалях. Если геликоптеры и самолеты и пролетали над Периферией, то всегда на большой высоте, двигаясь по небосклону маленькими, едва отличимыми от птиц точками. Таких дерзких полетов, как этот, пилоты Одиума здесь еще не предпринимали.

Раньше пришельцы всегда предпочитали передвигаться пешком, и если сегодня они изменили своей многолетней привычке, значит, на это, несомненно, была причина. Но больше всего превенторов сейчас волновало другое: они понятия не имели, как противодействовать вторжению с небес, если таковое вдруг произойдет. И хотя, судя по размерам летательного аппарата, в нем могло разместиться не более двух человек, неизвестно, чем они вооружены. Самое страшное оружие, каким изредка пользовались пришельцы-активисты, состояло из подобранных ими в округе камней и палок. «Небесные» же гости могли привезти с собой все, что угодно. И хорошо, если страйкеры превенторов окажутся пригодными для обороны от пока неизвестной, но уже реальной угрозы.

Геликоптер являлся самым маленьким из подобных ему летательных аппаратов, о каких знал Бунтарь. Если ему не изменяла память, Скрижаль называла этих механических стрекот-переростков «Скайраннерами». Превентор глядел на геликоптер и невольно думал, что картина, которую видят сидящие в нем пришельцы, более впечатляющая, чем та, что открывалась взору превенторов с наблюдательной башни. Разве только пилота и его пассажира нервировал неутраченный шум винтов, но в таком головокружительном полете это было лишь мелким неудобством.

«Скайраннер» снизился до уровня башенной смотровой площадки и завис, подняв с земли тучи пыли. Превенторы, очутившиеся аккурат под геликоптером, закрыли лица рукавами и спешно ретировались на безопасное расстояние. Сорванные с нескольких превенторских голов фуражки покатались по земле в разные стороны. Лидер взобрался на башню и теперь следил за гостями вместе с наблюдателем; в данный момент вахту там несла Быстроногая. Седьмой пока не отдавал никаких приказов, да их все равно никто бы сейчас не расслышал – винты «Скайраннера» заглушали своим свистом все звуки.

Бунтарь находился далеко от точки, над которой завис геликоптер, и поэтому поднятая пыль не мешала Первому рассмотреть гостей. Сквозь стекла кабины были видны двое пришельцев. Один, в шлеме и черных очках, пилотировал аппарат; второй – без шлема, но в больших наушниках – приоткрыл боковой иллюминатор и рассматривал Периферию в бинокль. Пилот начал медленно вращать «Скайраннер» в воздухе, описывая его изогнутым хвостом окружности. Бунтарь смекнул, что при помощи такого маневра пилот помогает наблюдателю лучше изучить окрестную территорию. А превенторы в свою очередь получили возможность разглядеть малознакомый летательный аппарат со всех сторон. И сразу же обнаружили на его корпусе кое-что любопытное.

Через весь бок блестящей на солнце кабины проходила отчетливо различимая надпись: «Звездный Монолит». Вряд ли из-за пылевой завесы всем превенторам удалось прочесть эту надпись, но большинство собратьев Бунтаря ее явно рассмотрело. И вряд ли кто-либо из них мог сказать, что означает это название.

Прочертив в воздухе еще пару кругов, «Скайраннер» заложил лихой вираж, после чего развернулся и последовал в обратном направлении, держа курс так же вдоль просеки. Минута – и геликоптер уменьшился до размеров точки, а потом вовсе исчез в синеве утреннего неба. Ритмичный шум винтов затих чуть раньше, постепенно уступив место привычному стрекоту кузнечиков и щебетанию птиц.

Отобрав у Быстроногой бинокль, Лидер не отрываясь проследил с башни за гостями, пока те не пропали из поля зрения, затем спустился вниз и начал обеспокоенно озираться. Превенторы в ожидании приказа внимательно следили за командиром. Озадаченно чешущий

макушку Седьмой мог приказать сейчас все, что угодно: и дать отбой, и готовиться к отражению атаки – слишком уж поведение пришельцев напоминало предбоевую разведку. Но вместо приказа Лидер снял фуражку, отряхнул ее от пыли и в задумчивости побрел в штаб.

Командир вел себя более чем странно. Бунтарь все ждал, когда он бросится за советом к своей Скрижали, однако Седьмой даже не снял ее с пояса. Пронаблюдав за остальными превенторами, Первый отметил, что и они не прикасаются к Скрижальям. Это тоже было весьма неестественно. На Периферии произошло из ряда вон выходящее событие, а бойцы «Ундецимы» даже не пытались выяснить, что на сей счет ответит им Претор. Сказать по правде, в эту минуту Бунтарь впервые пожалел о своей разбитой Скрижали, поскольку сам был бы не прочь получить из Контрабэллума хотя бы маломальскую инструкцию.

Лидер вернулся в штаб, а угрюмые превенторы столпились у наблюдательной башни, обсуждая престранное событие. Но Первый не стал подходить к товарищам, хотя ему тоже страсть как не терпелось послушать их разговор. Бунтарь не забыл о том, что незадолго до этого получил от Седьмого приказ, поэтому он обязан прибыть в изолятор, какие бы неожиданности ни начали сейчас твориться на Периферии. И уже у себя дома дожидаться дальнейших распоряжений. Бунтарь понадеялся на то, что Невидимка обязательно объяснит ему, почему это вдруг бойцы «Ундецимы» поголовно охладели к Скрижальям, без которых они раньше боялись даже выйти в сортир...

Интересная она, эта Невидимка. Вроде бы и не красавица рядом со своими более привлекательными подругами – Шептуньей, Смуглянкой и Быстроногой, – но было в ней нечто такое, чего нет в остальных здешних женщинах. Простое, чуть скуластое лицо, тонкие губы, курносый нос, обычная короткая стрижка – прическа, которую Смуглянка вот уже пять делает своим подругам... Крепкая, худощавая фигура Невидимки выглядела достаточно скромно в сравнении, скажем, с фигурой общепризнанной «лидерши» Периферии по части красоты – Быстроногой. И все равно, из всех женщин Бунтарь всегда выделял для себя почему-то именно Одиннадцатую – Невидимку. Может быть, потому, что она тоже относилась к Первому не так, как остальные?

Среди превенторов Одиннадцатая считалась недотрогой. И все потому, что кроме Бунтаря она ни на кого из мужчин не обращала внимания. Даже на Лидера, что было весьма болезненным ударом по его самолюбию. Невидимка подчеркнуто холодно относилась к ухаживаниям мужской половины «Ундецимы», соглашалась делить постель только с бывшим возмутителем спокойствия, остающимся и по сей день потенциальной угрозой местному порядку.

Чем вызвана ее особая страсть к Бунтарю, Невидимка никогда не объясняла – будучи от природы молчаливой и замкнутой, она вообще не любила откровенничать ни с другом, ни с кем-либо еще. Впрочем, Первый ее особо и не допытывал. Им нравилось быть вместе, и этим все сказано. Бунтарю такая привязанность здорово льстила, и он в благодарность подруге отвечал ей тем же. И пусть иногда они мутузили друг друга на Помосте, это ничуть не умаляло теплоту их отношений. Первый и Одиннадцатая являлись самой крепкой парой на Периферии, где отношения между мужским и женским контингентом были достаточно раскованными. Поначалу товарищи потешались над Бунтарем и Невидимкой – стоило ли создавать искусственные ограничения там, где можно вполне обойтись без них? – но со временем привыкли к их обоюдной преданности и даже стали в какой-то мере уважать Первого и Одиннадцатую за их принципиальность.

После изоляции Бунтаря Невидимка хотела поначалу переселиться к нему, но Лидер ей это запретил: все-таки изолятор есть изолятор, а не любовное гнездышко. Но навещать узника Одиннадцатой не возбранялось, поэтому она частенько гостила у Первого, не позволяя ни ему, ни себе подолгу страдать в разлуке.

Сегодня Невидимка появилась у Бунтаря в своей обычной манере проникнув в изолятор совершенно незамеченной и без единого звука. Бунтарь всегда удивлялся, как это получается у Одиннадцатой. Прямо мистика какая-то, иного слова и не подберешь. После возвращения с Помоста узник четверть часа просидел в раздумье на террасе, но и на этот раз не сумел расслышать, как Невидимка подкралась к нему, нарисовавшись за спиной, словно из воздуха.

– Привет, – негромко произнесла она, заставив вздрогнуть привыкшего к тишине Бунтаря. – Лидер сказал, что подпортил тебе на Помосте личико, и теперь его надо малость подштопать.

– Вот ублюдок! – вырвалось у Бунтаря. Он снял с рассеченной брови временную повязку и предстал перед подругой, щеголяя боевой отметиной, словно наградой. – А о том, что сегодня именно он гремел костями по доскам, Лидер, конечно, не похвалился?

– Разумеется, нет. Но ты ведь его знаешь – он все еще полон надежд произвести на меня впечатление.

– А тебе, значит, больше нравятся мужчины со свежими ранами?

– Тоже мне рана! Мог бы и сам заштопать такую пустяковую царапину, – шутливо проворчала Невидимка, открывая кейс с медикаментами и хирургическими инструментами. – А может, ты нарочно лоб под страйкер подставил, чтобы со мной увидеться? Хороший повод нашел, слов нет.

– Чего не сделаешь ради любви, милая, – усмехнулся Бунтарь и поморщился, когда Одиннадцатая чересчур усердно провела по ране салфеткой с дезинфицирующим раствором. Усердие это было явно излишним и имело целью наказать Первого и за неосторожность на Помосте, и за те слова, которые он только что произнес.

– Опять ты за свое, – вздохнула подруга, приступая к операции. – Сколько раз уже говорила, что не верю я в твои сказки про любовь... Никогда не забуду, как ты пытался объяснить мне, что это такое. В жизни не слышала более глупой истории.

– А ты спроси у Скрижали и погляди, что она тебе на сей счет ответит, – предложил Первый. – А потом уже будешь судить, кто из нас глупее: я или Претор.

– У Скрижали... – Невидимка дотронулась до висевшего у нее на поясе маленького подсумка с электронным советником и помрачнела. – Скрижаль теперь можно о чем угодно спрашивать, только от нее все равно ни слова не добьешься. Даже на самые простые вопросы.

– Это еще почему? – удивился Бунтарь.

– Неужели Лидер тебе ни о чем не говорил? – осведомилась Одиннадцатая. Пациент помотал головой. – Вот как?... Слушай, а может, и я должна помалкивать?... А, да ну его, нашего Лидера! Все равно ведь нет приказа скрывать от тебя эту информацию. В общем, ситуация дерьмовая: уже три дня на Периферии не функционирует ни одна Скрижаль и у нас нет никакой связи с Контрабэллумом.

– Так вот в чем, оказывается, дело! А я-то думаю, что это вы все сегодня ходите, как побитые, а не только Лидер, – догадался Бунтарь. Что ж, одной тайной стало меньше. Однако, даже не спрашивая Невидимку, было ясно, что о странном вертолете с надписью «Звездный Монолит» она знает не больше Первого. – Будь я проклят, если это не связано с сегодняшними гостями из Одиума! Столько странностей за одну неделю не может являться случайным совпадением.

– Это еще не все странности, – добавила Одиннадцатая, аккуратно накладывая первый шов на бровь Бунтаря. – Контейнер с продовольствием пришел груженым лишь на четверть. Лидер крайне обеспокоен. Разумеется, на складе у нас еще есть запасы, но если Контрабэллум урежет поставки, уже к осени нам придется затягивать пояса. И довольно туго.

– Не беда. Наступит голод – начнем охотиться. В окрестных лесах наверняка полно всякой живности, – предложил превентор, отнюдь не смущенный зловещей новостью. И только потом сообразил, что идея насчет охоты была крайне необдуманной. Ради ее воплощения пре-

венторам пришлось бы нарушить целый ряд законов. Способен ли Лидер пойти на такой шаг перед угрозой голода? Кто знает этого педанта-законника...

– Как ты себе это представляешь? – недоверчиво спросила Невидимка, видимо, решив, что Первый шутит. – Кроме страйкеров и ножей у нас нет никакого оружия. И вообще, даже если Лидер разрешит нам выходить за границу Периферии, какие из нас охотники? Ловить в лесу зверя – это ведь не на Помосте драться. Такой хитрой науке надо учиться годами.

– Голод заставит – научимся, – заверил подругу Первый. – Кто знает, на что мы будем способны в голодном состоянии? Люди, которые за пять лет не пропустили ни одного обеда, нарушат любой закон, лишь бы сохранить эту замечательную традицию. А иначе мы вконец озвереем и начнем поедать друг друга. Или тех сумасшедших активистов, что к нам иногда наведываются. Любопытно, как отреагировали бы они на такое гостеприимство?

– В Контрабэллуме неприятности, это бесспорно. Как бесспорно и то, что они отражаются на нас, – задумчиво произнесла Невидимка, не став оспаривать предложение Бунтаря насчет борьбы с грядущим голодом. – Но откуда здесь взялся этот вертолет? Ведь те люди не просто мимо пролетали, а вынюхивали что-то на Периферии. Вот бы узнать, что именно.

– Вертолет принадлежит некой организации под названием «Звездный Монолит». Могу поспорить, что в Контрабэллуме наверняка о ней знают. Как и она – о Контрабэллуме, – предположил Первый. – А вот зачем пилоты «Звездного Монолита» устроили эту демонстрацию, нам без Претора не догадаться.

– Хочешь сказать, что у тебя нет абсолютно никаких догадок? Не верю!

У Бунтаря была в запасе парочка более-менее логичных версий, которые пришли ему на ум, пока он дожидался Невидимку, но ответить он не успел.

Снаружи слышались шаги, после чего железная дверь противно скрипнула и на пороге изолятора нарисовался Лидер. Он пришел немного раньше обещанного времени, в чем наверняка были виноваты взбудоражившие Периферию пришельцы. Вряд ли какая-либо иная причина заставила бы пунктуального Седьмого изменить намеченным планам.

Планы Бунтаря, который собирался до обеда наслаждаться обществом подруги, теперь тоже менялись. Но сокрушаться об этом сейчас не приходилось – в Контрабэллуме и на Периферии творилось что-то неладное, и узника эти проблемы касались в той же степени, что и прочих превенторов. Мыслимое ли дело: «Ундецима» осталась без Скрижалей! Хотелось Бунтарю того или нет, но он поневоле испытал легкое злорадство, представив, какое смятение царит сейчас в душе Лидера. Пропавши с небосклона солнце, Седьмой и то переживал бы не так болезненно, как при массовом отключении Скрижалей.

Невидимка как раз накладывала герою Помоста последний шов, и Лидер, не желая ее отвлекать, пару минут простоял в молчании, созерцая с террасы озеро. Затем дождался, пока девушка соберет инструменты, и приказал ей покинуть изолятор.

Одиннадцатая удалилась столь же незаметно, как вошла. Бунтарь лишь на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл их, подруги и след простыл. Ни шагов, ни скрипа двери... Зато сопение усаживающегося в кресло Лидера Первый слышал более чем отчетливо. Уже не однажды Бунтарь задавался целью прикрепить на дверь что-нибудь наподобие колокольчика или погремушки – все-таки иногда манеры Невидимки его нервировали. Только он почему-то был уверен, что проку от сигнализации все равно не будет. Невидимка проникала в изолятор, словно сквозняк, разве только ее появление всегда доставляло Бунтарю удовольствие. Чего, разумеется, нельзя было сказать о сквозняках.

«Как много гостей и событий для одного утра, – подумал Первый, откидываясь на спинку кресла и наливая себе воды из кувшина. Предлагать Лидеру промочить горло Бунтарю не стал – захочет угоститься, сделает это без разрешения. – Даже чересчур много. По «периферийным» меркам, прямо-таки настоящая буря. И не помню, когда в последний раз у нас случался такой аврал».

– Так о чем ты хотел со мной поговорить? – спросил Бунтарь. Ему не следовало выказывать нетерпение, но вид у Лидера был какой-то отсутствующий, отчего казалось, что он никогда не заговорит. Первый же не намеревался долго терпеть общество командира и желал, чтобы тот поскорее убрался восвояси.

– Невидимка рассказала тебе о наших проблемах? – поинтересовался в ответ Одиннадцатый и уточнил: – Я имею в виду те проблемы, которые возникли до прилета сегодняшних гостей.

– Мне известно о поломке Скрижалей и о чересчур легком контейнере с продуктами, – пояснил узник. – Это все, о чем следует беспокоиться, или есть что-то еще?

– Разве этого мало? – хмыкнул Лидер.

– Достаточно, чтобы начать волноваться, – согласился Первый. – Хотя сам понимаешь, лично меня больше всего беспокоит, конечно, продовольствие.

– А летающая машина из Одиума?

– Сказать по правде, не очень. То, что вертолеты не прилетали к нам до настоящего момента, еще ни о чем не говорит. В Одиуме они есть далеко не у каждого. Если из пары сотен любопытных туристов, которые забредали сюда за пять лет, двое в кои-то веки прилетели по воздуху, в этом нет ничего необычного. Вот что на твоём месте я сказал бы нашим ребятам, если бы хотел их успокоить. Но у меня есть и другая версия, менее приятная и более правдоподобная... Так зачем ты пришел? Разве забыл, что в «Ундециме» я – единственный, кто лишен права совещательного голоса?

– Мне... то есть нам, необходима сегодня любая помощь, в том числе и твоя, – с неохотой признал Лидер. – Ты ведь всегда уверял, что знаешь об Одиуме, его обитателях и порядках гораздо больше, чем все мы, вместе взятые.

– А ты всегда называл мои слова идиотскими фантазиями, – перебил командира Бунтарь, – и говорил, что раз в Скрижалях ни о чем таком не упоминается, значит, я несу вздор.

– Возможно, в некоторых вопросах я все-таки заблуждался... – Скажи Лидер это при иных обстоятельствах, Первый счел бы, что одержал одну из главных побед в своей жизни. Но сегодня признание командира в собственной неправоте вызывало у Бунтаря не удовлетворение, а тревогу: Седьмой ощущал себя без Скрижали, как без рук, и потому был рад каждому совету, даже от самого непримиримого врага. – Не исключено, что твои фантазии – или, лучше скажем, догадки, – кое в чем правдивы. К тому же в последние годы ты вел себя достаточно смирно, а следовательно, снова заслужил наше доверие. По крайней мере, многие из нас согласны с тем, чтобы вернуть тебе свободу и право участия в штабном совете.

– А ты согласен? – в лоб спросил Бунтарь у Седьмого.

– Я долго размышлял над этим, – признался тот, немного помолчав. – Да и над другими проблемами тоже. Поначалу без Скрижали я чувствовал себя очень скверно. Но потом, когда немного свыкся с трагедией, то постарался взглянуть на мир по-иному. Так, будто бы мы все эти годы прожили без Скрижалей; наверное, и ты в свое время тоже пережил нечто похожее.

– Было дело, – согласился Бунтарь.

– ...И вот что любопытно: мир не перевернулся, а наоборот – стал более устойчивым, пусть при этом и чуть сложнее, – развел руками Лидер. – У меня словно повязка слетела с глаз, честное слово. Теперь я вижу, что у любой проблемы есть несколько решений, а не одно, которое обычно предлагала нам Скрижаль... И отвечая на твой вопрос, скажу: да, я согласен выпустить тебя из изолятора и вернуть тебе право совещательного голоса на совете. Правда, пока на испытательный срок и под поручительство твоей подруги, но если ты полностью оправдаешь наше доверие, то сюда уже не вернешься, обещаю.

– Невидимка согласилась за меня поручиться? – Бунтарь озадаченно хмыкнул. – Она ничего мне об этом не сказала. Как благородно с ее стороны... Итак, что же тебе хочется знать об Одиуме?

– Все, что тебе о нем известно. Или хотя бы то, что может нам сегодня пригодиться.

– Хорошо, но вряд ли тебе это понравится... Если Одиум разорвет перемирие с Контрабэллумом и пойдет на него войной, нам не продержаться на Периферии и пяти минут, – уверенно заявил Первый. – Тогда здесь появится уже не один вертолет, и на каждом из них будет установлено по мощной пушке. Периферия – не крепость, а всего лишь большая огороженная площадка. Нам не удержать ее с нашими страйкерами при всем старании. Мы окажем сопротивление, и нас попросту уничтожат. Поэтому придется отступать в Контрабэллум, но это опять же, если нас туда впустят. Двойные ворота шлюза задержат врагов, а внизу, у Претора, возможно, найдется оружие посерьезнее примитивных дубинок. Но какую бы тактику мы ни избрали, нам никогда не победить захватчиков. Одиум огромен, и его армии неисчислимы, а нас очень и очень мало. Мы проиграем в любом случае.

– И что же ты предлагаешь? Сдаться?

– Это будет лучшим вариантом, если мы хотим сохранить себе жизнь. Однако раз уж все мы дали присягу служить Контрабэллуму, нам потребуется сначала встретиться с Претором и получить от него конкретный приказ насчет дальнейших действий. Только Претору решать, сдавать нам Периферию без боя или воевать до тех пор, пока нас не уничтожат. И отправить посыльного вниз нужно как можно быстрее.

– Но Скрижаль запрещает превенторам появляться в Контрабэллуме!

– А в Скрижали упоминалось об иных способах поддержания связи с Претором, кроме того, который нам сегодня недоступен? Или о том, как быть в случае, если Одиум расторгнет перемирие?.. Согласись: странно, что всезнающий Претор не предусмотрел такой исход событий и не снабдил нас заранее необходимыми инструкциями.

– Мы раньше даже не задумывались о том, что когда-нибудь это может произойти, – огорченно признался Лидер. – И пусть я не могу до конца с тобой согласиться, однако связь с Контрабэллумом требуется восстановить любой ценой. И раз уж ты это предложил, значит, тебе этим и заниматься.

– Почему? Отправь лучше Невидимку. Если Одиум нападет, от меня будет куда больше пользы здесь, на Периферии.

– Нет, в Контрабэллум пойдешь ты, и это приказ. Да и кому еще, как не тебе, нарушать заповеди Скрижали? К тому же Претор помнит твою строптивость и потому не слишком удивится, увидев тебя в городе.

– Все ясно, – проворчал Бунтарь. – Даже сейчас, когда Претор отвернулся от нас, вы боитесь прогневить нашего благодетеля. Ладно, подчиняюсь, – разве мне привыкать ссориться с вождем? В конце концов, давно пора бы познакомиться с ним лично...

Глава вторая

Бунтарю следовало поторапливаться. Для вознамерившегося нарушить заповедь превентора существовал лишь один шанс попасть в Контрабэллум: вернуться туда с поставщиками продовольствия, обязанными забрать из карантинного шлюза пустой грузовой контейнер. Отпущенный на свободу Бунтарь пришел с Лидером к шлюзу и остался там дожидаться, когда прозвучит сирена, предупреждающая о том, что закрываются внешние ворота. Группа из Контрабэллума должна была прибыть через несколько минут – ровно в восемь тридцать.

На проводы посланника собралась вся «Ундецима». Даже Быстроногая, несущая в данный момент вахту на башне, и та отвлеклась от своих обязанностей и теперь посматривала свысока на Первого.

Лидер вкратце обрисовал превенторам ситуацию, и те его единогласно поддержали. Подобно командиру, они тоже начинали привыкать к самостоятельному мышлению, хотя и продолжали по привычке носить на поясных ремнях ныне бесполезные Скрижали. Собратья полагали, что Претор простит им нарушение заповеди – ведь оно вызвано крайними обстоятельствами и делается во благо самого Контрабэллума.

Бунтарь понятия не имел, какой путь ему предстояло пройти. До подземного города могло быть и сто метров, и несколько километров – все зависело от того, насколько глубоко под землей расположен Контрабэллум, а также от протяженности ведущего на поверхность тоннеля. Но, в любом случае, грядущее путешествие обещало стать для Первого на порядок более захватывающим, чем обычные прогулки превентора по гарнизону.

Бунтаря, однако, больше беспокоило то, как онотреагирует на перемену обстановки. Ведь не зря же перед выходом превенторов на поверхность их лишили памяти. Разумеется, это еще не значило, что по возвращении в Контрабэллум нарушителя заветов ожидало такое же потрясение, только Бунтарю все равно было слегка не по себе.

Проводы протекали в безрадостной атмосфере. Никто не давал Бунтарю напутствий – Лидер и прочие столпились неподалеку и лишь изредка перебрасывались между собой негромкими фразами.

Бунтарь видел во всем этом какую-то неестественность. Он чувствовал, что в действительности прощание с товарищами по оружию должно проходить намного теплее, но такие уж прохладные отношения сложились у Первого с собратьями. К тому же за все время службы никто из превенторов еще не покидал гарнизона. Поэтому они и не знали, как следует реагировать на то, что через минуту в их рядах станет на одного меньше. О том, как прощались с ними граждане Контрабэллума – и прощались ли вообще, – ушедшие на Периферию добровольцы не помнили.

Только Невидимка проявила к идущему в неизвестность другу человеческую теплоту и поддержку. Девушка подошла к Бунтарю, уселась напротив и, взглянув ему в глаза, грустно произнесла:

– Странно, но мне кажется, что мы с тобой больше никогда не увидимся. Наверное, это какое-то наваждение, ведь не могу же я на самом деле это знать, правда? И я не хочу, чтобы ты уходил. Даже ненадолго. Это тоже очень странно, потому что если бы вместо тебя шел Лидер или кто-то другой, я бы им такого не сказала. Не понимаю, почему так происходит. Можешь ты это объяснить?

– Могу, – подтвердил Бунтарь. – Только ты уже много раз, в том числе и сегодня, говорила, что не веришь в подобные вещи. Однако я хочу, чтобы и ты кое-что знала: будь моя воля, я бы непременно взял тебя с собой. Только тебя и больше никого. Ты – единственный человек в мире, которому я доверяю. Надеюсь, сейчас ты мне веришь?

– Сейчас – верю, – кивнула Одиннадцатая. – И пусть я всегда смеялась над твоими сказками о любви, мне их будет сильно не хватать, если ты не вернешься.

– Я вернусь, – пообещал Бунтарь. – Найду Претора или не найду, но вернусь в любом случае. Да и куда мне еще в этом мире идти-то?

И вздрогнул, поскольку шлюзовая сирена опять прозвучала неожиданно, даже несмотря на то, что на сей раз ее ждали...

Внешние ворота шлюза закрывались медленно, словно давая превентору последний шанс одуматься и не покидать гарнизон. Вновь Первый оказывался изолированным от собратьев. Только теперь он испытывал не облегчение от того, что оставлен в одиночестве, а наоборот – раздражение и желание побыстрее вернуться обратно, на милую сердцу Периферию, где каждый камень был знаком Бунтарю до последней трещинки.

Солнечный свет мерк, сужаясь в щель, пока наконец не исчез, полностью отрезанный опустившейся тяжелой перегородкой. Бунтарь поежился от непривычно плотного мрака, но не успел он привыкнуть к темноте, как вновь загудели скрытые в стенах моторы и внутренние ворота с надрывным гулом поползли вверх. Правда, свет, что моментально ворвался в образовавшуюся у пола щель, уже не был столь ярким, как солнечный.

Бунтарь слегка нервничал перед предстоящей встречей с перевозчиками – первыми горожанами Контрабэллума, которых должен был увидеть превентор за пять лет службы. Переминаясь с ноги на ногу, он стоял рядом с контейнерами и гадал, как отреагируют сограждане на его появление. Бунтарь не сомневался, что перевозчиков будет, как минимум, двое: все же хлопотное это дело – перевозить и разгружать крупногабаритные контейнеры.

Посланник из внешнего мира ошибся в прогнозах: за контейнером прибыло не двое, а пятеро горожан. И каждый держал в руках оружие, куда более внушительное, чем имевшийся у превентора страйкер. Бунтарь определил, что короткие трубки с шишковидными наконечниками, с какими его встречала пятерка из Контрабэллума, предназначены для стрельбы, но сами стреляющие устройства были Первому незнакомы.

Перевозчики носили одинаковую, похожую на превенторскую полевую униформу и выглядели крепкими и уверенными в себе парнями. По крайней мере, в шлюз они вошли совершенно без опаски, как, очевидно, входили сюда десятки раз до этого.

Вошли и оторопели, поскольку нос к носу столкнулись с человеком, который вовсе не должен был здесь находиться.

– Какого, мать твою, черта?! – недоуменно воскликнул один из перевозчиков и нацелил оружие на Бунтаря. Несмотря на то что смысл обращенных к Первому слов был ему незнаком, он догадался, что это не приветствие. Скорее походило на вызванную испугом нечаянную грубость. Бунтарь попустил ее мимо ушей и, шагнув вперед, поспешил прояснить ситуацию:

– Все в порядке, не бойтесь. Я – превентор. Знаю, что мне нельзя здесь находиться. Но на Периферии возникли серьезные проблемы, поэтому я вынужден попросить вас отвезти меня к Претору. Еще раз приношу вам свои извинения.

Бунтарь был готов к тому, что прежде, чем проводить его в Контрабэллум, сограждане наверняка разоружат нарушителя и, что тоже не исключалось, возьмут его под арест. Вполне естественно, что появление в шлюзе превентора вызвало у этих парней замешательство. Но они были обязаны выполнить требование гостя – ведь не враг же он, в конце концов.

Однако перевозчики явно не собирались идти навстречу Бунтарю, а насторожились еще сильнее, и теперь уже вся пятерка целилась в нежданного гостя из стреляющих трубок.

Превентор повторил свою просьбу, решив, что взбудораженные сограждане просто плохо его расслышали. Но те глядели на него так, словно это он угрожал им оружием, а не наоборот. У Бунтаря в голове забрезжила смутная догадка, что парни вообще не знают, кто такие превенторы. Хотя этого попросту не могло быть – разве можно не знать, кому ты каждый месяц доставляешь посылки от Претора?

– Эй, куда это ты намылился? А ну проваливай обратно! – прокричал наконец один из горожан. – Нам еще этого сумасшедшего здесь не хватало!

– Я – превентор, и вы должны дать мне поговорить с Претором! – снова пояснил Бунтарь, но уже гораздо настойчивей и без извинений.

– С каким, на хрен, Претором? – переспросил другой перевозчик, скорчив презрительную гримасу. – Сказано тебе: назад! И без глупостей, а то будем стрелять! Черт возьми, Генри, ну почему ты не глянул на монитор, есть кто в шлюзе или нет? А если бы они тут всей толпой нас поджидали? Закрывай ворота, растяпа!

Тот, к кому обращались, подбежал к настенному пульта и нажал на кнопку. Загудели двигатели, и железная перегородка поползла вниз...

Недоумение и растерянность перевозчиков были еще простительны, но столь открытая враждебность уже не укладывалась ни в какие рамки. Сограждане вели себя так, словно превентор являлся не их другом, а чужаком из Одиума.

Чем была вызвана эта неприязнь к стражам форпоста, Первый выяснять не стал. Бросившись к воротам, он поднырнул под опускающуюся перегородку и, перекатившись по полу, очутился прямо перед перевозчиками. Бунтарь до последнего надеялся, что враждебно настроенные горожане все-таки не станут стрелять в человека, который все эти годы оберегал их от внешней угрозы...

За пять лет жизни на Периферии Первый успел смириться с тем, что большинство его надежд, как правило, не сбываются. И поэтому не удивился, когда ближайший к нему перевозчик направил на него оружие и выстрелил. Не останавливаясь, Бунтарь прыгнул вперед и совершил еще один пережат. Это и спасло нарушителя режима от выстрела.

Точнее, это был не выстрел, а сухой негромкий треск. Из ствола незнакомого превентору оружия при этом вырвалась яркая вспышка-молния. Однако угодила она не в пол, а в ногу горожанина, мимо которого проскочил Первый. Пострадавший выронил свой электрический «молниемет» (позже Бунтарь выяснил, что он называется пэйнфул) и, яростно бранясь, упал на спину. Шок, который должен был последовать за ударом электричества, у пострадавшего не наступил – слишком громко и осмысленно он выразался, – но на какое-то время этот перевозчик был выведен из строя.

Превентор живо смекнул, что даже если выстрелы пэйнфулов и не летальны, несколько попаданий подряд могут все же причинить человеку ощутимый урон. У Бунтаря не было желания драться с перевозчиками, но раз уж те сами напросились и к тому же упорно не пускали Первого в город, пришлось превентору тоже прибегнуть к насилию. Еще находясь на полу, он выхватил страйкер и с размаху шибанул им по ногам того противника, до которого сумел дотянуться. Удар пришелся аккурат под коленный сгиб, отчего второй перевозчик тоже неуклюже плюхнулся на бетон.

Вскочив на ноги, превентор резко отпрыгнул к стене, и вовремя – сразу две молнии ударили туда, где он мгновение назад находился. Бунтарь набросился на следующего противника, не дожидаясь, когда тот снова возьмет его на прицел. Стукнув страйкером по оружию, Первый сначала отбил ствол пэйнфула в сторону, а затем сильно ткнул концом дубинки перевозчику в солнечное сплетение. После чего навалился на выпучившего от боли глаза обидчика и толкнул его на товарища. А пока тот пытался сохранить равновесие, ошарашил его дубинкой по лбу.

Генри, которого собратья обвинили в разгильдяйстве и отправили на пульт, уже бежал обратно со вскинутым пэйнфулом, однако стрелять опасался, так как мог в кутерье зацепить кого-нибудь из своих. Бунтарь огрел для острастки по темечку перевозчика, который был сбит с ног подсечкой, затем вырвал оружие у получившего под дых противника и, направив пэйнфул на приближающегося Генри, нажал спусковую кнопку. Бунтарь был знаком с новым оружием всего полминуты, но уже успел подметить, что ничего сложного в обращении с ним нет.

Вряд ли Первый попал бы в цель, находишься она от него на значительном расстоянии. Но между перевозчиком и Бунтарем оставалось всего несколько шагов, так что свой дебют в качестве стрелка превентор отыграл на отлично: молния угодила Генри точно в живот. Горожанин споткнулся, пробороздил носом по бетону, да так и остался лежать, проклиная Бунтаря незнакомыми ему ругательствами.

– Я не хотел этого! Вы первые начали! – прокричал Бунтарь, грозя пэйнфулом лежащим на полу противникам, каждого из которых можно было отныне с чистой совестью называть врагом. Но новоиспеченным врагам было плевать на оправдания посланца с Периферии. Они корчились от боли, бранились и тянулись к оброненному оружию, явно не намереваясь сдаваться так легко. Поняв, что теперь бесполезно рассчитывать не только на сотрудничество, но даже на простой диалог, Первый огорченно сплюнул, собрал вражеские пэйнфулы и отшвырнул их подальше, в тоннель, который уже через полсотни метров поворачивал налево. Из-за этого поворота не было возможности определить протяженность тоннеля, хотя под сводами горели лампы.

Немного успокоившись и приведя в порядок мысли, Бунтарь пришел к выводу, что ему во что бы то ни стало необходимо добраться до Контрабэллума раньше этих пятерых бузотеров. Плохо, если побитые перевозчики опередят превентора и разболтают в городе о происшествии у шлюза. Тогда-то наверняка никакая встреча с Претором не состоится, а коли и состоится, то вряд ли Бунтарь вернется после нее на Периферию.

Только шлюзовая камера могла помочь Первому решить эту внезапно возникшую проблему. Он подошел к пульту ворот, потратил несколько секунд на его изучение, а затем открыл внутреннюю перегородку. После этого, не обращая внимания на ругань и вялое сопротивление, по одному перетащил побитых противников в темную камеру.

«Ничего страшного, – подумал превентор. – Пару-тройку часов потерпят. Все равно дольше задерживаться в Контрабэллуме я не собираюсь».

Заперев шлюз с перевозчиками, Бунтарь в задумчивости потоптался у пульта – да, на сей раз его неповиновение зашло чересчур далеко, – и направился по тоннелю в город. Теперь у посланника пропала всякая уверенность, что там его встретят как друга, но отступать было поздно.

Прихватив с собой пэйнфул – на случай, если вдруг по пути встретится еще одна группа агрессивных сограждан, – превентор получше рассмотрел трофейное оружие и помимо спусковой кнопки обнаружил также переключатель. Над ним горел маленький цифровой индикатор. «20%» – такое значение было выставлено на индикаторе. Подвигав ползунок переключателя взад-вперед и понаблюдав, как числа на индикаторе меняются от нуля до ста, Бунтарь понял, что таким образом регулируется мощность электрического заряда.

Что ж, превентор уже имел представление, какой эффект оказывает на человека двадцатипроцентная «доза» успокоительного, и потому оставил индикатор в первоначальном положении. Можно представить, что случилось бы с Генри, ошарашь его Бунтарь пятикратно усиленной молнией. И все-таки странно, почему вместо того, чтобы помочь защитнику Периферии, сограждане решили «отстегать» его пэйнфулами? Даже после того, как превентор сообщил, что он и его собратья нуждаются в срочной помощи. Что крылось за этой беспричинной жестокостью? Неужели и в городе Бунтаря ожидает такой же «горячий» прием?..

Готовый отныне к любым неожиданностям, посланник завернул за поворот и наткнулся на стоящий посреди тоннеля мощный приземистый тягач с широкими массивными колесами. Бунтарь быстро опознал не виданную ранее наяву технику, судя по бронированной кабине и защитной окраске – военного назначения. Оборудованная лебедкой грузовая платформа на автомобиле была довольно маленькой – тягач конструировали для буксировки колесных трейлеров, а не для перевозки контейнеров. Но ездить по тоннелю с громоздким трейлером было бы весьма проблематично, поэтому перевозчики вполне обходились без него.

– «Квадровил», – неторопливо прочел Бунтарь на радиаторной решетке тягача его название. И погладил машину по строгому темно-зеленому корпусу, как будто пытался найти общий язык с незнакомым животным. После чего отправился дальше.

За первым поворотом тоннеля оказался второй, а за ним – еще несколько. Бунтарь совершенно не помнил дорогу, по которой шел. У него не возникало даже смутных воспоминаний, хотя, как минимум, однажды Первый по этому пути уже ходил. Вопреки ожиданиям, тоннель почему-то не шел под уклон, а углублялся в гору, у подножия которой располагалась Периферия. Поначалу тоннель показался Бунтарю довольно просторным, но, присмотревшись, он понял, что это иллюзия. Ширина бетонного коридора всего лишь позволяла разъехаться при встрече паре «Квадровилов», а до ламп, что висели под сводом, можно было дотянуться концом страйкера, если встать перед этим на крышу кабины тягача.

Прошагав в умеренном темпе пару минут, Бунтарь подумал: а что, если вдруг тоннель протянулся под землей на добрый десяток километров. Может быть, лучше пока не поздно вернуться и рискнуть проехать до города на «Квадровиле» – все равно, врезаться в тоннеле кроме стен было не во что, а уж с управлением тягача он как-нибудь бы освоился...

Но, миновав очередной поворот, Бунтарь внезапно очутился перед закрытыми железными воротами – не столь массивными, как шлюзовые, но тоже довольно крепкими. Хотя, в отличие от шлюзовых, эти ворота можно было бы при необходимости протаранить «Квадровилом».

Однако ничего крушить не потребовалось. Еще не доходя до ворот, превентор заметил рядом с ними на стене пульт, похожий на тот, что отпирал шлюзовую камеру. Недолго думая Бунтарь нажал на кнопку с надписью «Открыть»... и оторопел.

Перед ним был тупик. За воротами находился пустой зал размерами приблизительно с гараж для «Квадровила». Больше – ничего. Других выходов из зала не было – только железные стены да лампа под потолком.

Посланник в нерешительности постоял на пороге, гадая, в чем кроется подвох. После чего вошел-таки в зал и, к своему облегчению, сразу обнаружил слева от себя еще один пульт, незаметный из тоннеля.

Бунтарь закрыл ворота, немного повременил и нажал кнопку с надписью «Вниз» (над ней имелась такая же, но с указанием противоположного направления, однако Первый поступил так, как подсказывала ему интуиция). Тут же пол под ногами превентора дрогнул и плавно пошел на снижение, отчего Бунтарю пришлось ухватиться за стену, чтобы не упасть. Он обеспокоенно оглянулся – действительно, зал двигался под мерное гудение двигателей и поскрипывание находившихся где-то снаружи тросов. Как оказалось, он представлял из себя большой лифт, в котором могли поместиться десятка три людей или один «Квадровил» без прицепа.

Пока превентор освоился с очередным открытием, лифт добрался до конечной точки своего короткого маршрута. Этот этап путешествия продлился минуты три. Учитывая небольшую скорость лифта, Первый прикинул, что тот опустил его не слишком глубоко под землю. Пол прекратил дрожать, гул и скрипы снаружи стихли, а затем короткая трель звонка известила Бунтаря об остановке.

Посланник прикинул в уме весь проделанный путь и отметил, что на такое расстояние от Периферии, пожалуй, никогда не удалялся даже Лидер – единственный в «Ундециме», кто имел право выхода за территорию гарнизона. Правда, радости от своего достижения Бунтарь не испытывал. Радоваться можно будет лишь тогда, когда выяснится, что все постигшие превенторов неприятности – временные, а заботливый вождь помнит о своих подопечных и всеми силами пытается восстановить привычный порядок вещей. И пусть раньше этот порядок не нравился Первому, он все же свыкся с ним и сегодня не желал для себя иных порядков. Даже Скрижаль не казалась теперь Бунтарю ненавистной, поскольку она тоже являлась неотъемлемой частью прежней жизни – такой уютной и стабильной во всех отношениях.

Удивительно, однако, как быстро меняется мировоззрение у выброшенной на берег рыбы. Каким бы гадким ни виделся ей водоем, расставание с привычной средой обитания быстро расставляло все на свои места. Трепыхающейся на берегу рыбине и вода теперь не казалась такой уж грязной, и корм выглядел вполне сносным, и сам водоем – очень даже просторным. И впрямь, если кому и мечтать о воздухе свободы, то только не рыбам – Бунтарь окончательно усвоил эту истину только сегодня...

Контрабэллум... Город, который был для Бунтаря такой же легендой, как и для остальных превенторов. Они присягали охранять Контрабэллум столько, сколько потребуется, и при этом знали о нем только по той информации, что предоставляла им Скрижаль. Ее маленький цветной дисплей демонстрировал обитателям Периферии изображение улиц подземного города, освещенного тысячами ярких фонарей; современных домов; прекрасного ботанического сада с искусственными водопадами; установленного на центральной площади фонтана Радости; скульптуры Мудрого Отца, воздвигнутой горожанами в честь своих предков, чьи могилы остались в Одиуме... И все это было сооружено под огромным бетонным куполом, заменявшем гражданам Контрабэллума небосвод.

И сейчас Бунтарю предстояло узреть наяву всю эту рукотворную красоту и восхититься ею, как и положено восхищаться подлинными чудесами, порожденными гением человеческой мысли. В данном случае – мысли великого Претора...

Посланник уверенно нажал на кнопку и, пока открывались двери лифта, дал себе твердую установку ничему не удивляться, пусть даже сейчас на него из дверей хлынет вода, а все жители Контрабэллума окажутся с жабрами и плавниками. Не удивляться ничему и никому – вот лучший способ сохранить самообладание после длительного отсутствия на родине. Бунтарь стиснул зубы, и когда лифт открылся, решительно шагнул навстречу своей судьбе...

В целом, Контрабэллум оказался примерно таким, каким и представлял его себе Первый. То есть, городом, построенным в просторной пещере. С этим действительно был полный порядок – лифт привез посланника туда, куда нужно. Однако дальше ни о каком сходстве фантазий с реальностью уже нельзя было вести речь.

В чем Бунтарь всегда был доподлинно уверен и что подтверждали все до единой фотографии подземного города: электрического света в Контрабэллуме очень много. Город должен был просто купаться в свете, поскольку мощности городской электростанции с лихвой хватало и на Периферию, где даже по ночам не оставалось ни одного темного участка, а во всех домах имелись лампочки и электроприборы. Перебои со светом, конечно, бывали, но редко и ненадолго; Бунтарь мог припомнить лишь три или четыре таких случая за весь срок службы.

Именно о проблемах с электричеством первым делом подумал Бунтарь, ступив под своды огромной обжитой пещеры. Электричество в городе было, о чем свидетельствовали фонари, горящие вдоль улицы, на которую он вышел. Но улица эта являлась единственной освещенной во всем Контрабэллуме. Яркой световой полосой она пересекала погруженный во мрак город и, кажется, заканчивалась у каких-то ворот – отсюда Бунтарь не мог точно определить. Света вполне хватало на то, чтобы разглядеть противоположный край куполообразной пещеры и ее своды, но для освещения всего Контрабэллума зажженных фонарей было явно недостаточно.

Улиц в городе определенно имелось не меньше десятка, однако знакомых по снимкам зданий посланник не обнаружил. И виной тому было вовсе не отсутствие света. Все строения здесь оказались маленькими и однотипными. Они даже отдаленно не напоминали те сверкающие стеклами многоэтажки, какие ожидал увидеть Бунтарь.

Да и бетонный купол... Поразительно, но это, судя по фотографиям, самое грандиозное сооружение Контрабэллума отсутствовало напрочь. Вместо идеально гладкого и выверенного до миллиметра искусственного свода над городом нависали обычные камни, пусть и тщательно

обработанные камнетесами. Тут тоже нельзя было ошибиться: разница между ожиданиями и действительностью была очевидна даже в полумраке.

«Ну ладно, ладно, без паники... Чего нет, того нет. В конце концов, я же не архитектурой пришел сюда любоваться, – махнул рукой Первый. – Помни: ты поклялся ничему не удивляться, поэтому держи себя в руках... Однако скажите-ка на милость, куда запропастились люди?»

Не верилось, что живущих на темных улицах горожан устраивал этот мрак. Разумеется, Бунтарь наблюдал сейчас вовсе не ординарное явление. Неполадка, которую в скором времени устранят, после чего над Контрабэллумом вновь засияют сотни электрических огней, а его граждане выйдут на улицы и опять начнут радоваться жизни... Да, скорее всего, так и будет. А сегодня позволить себе жить с комфортом могли лишь обитатели одной-единственной улицы в городе – той, что вела к лифту и на которой находился в данный момент Бунтарь.

Но и ее жители отказывались покидать свои дома, словно проявляя тем самым солидарность с согражданами из районов, лишенных электричества, – их обитатели почему-то не желали тянуться к свету и предпочитали отсиживаться в темных и неудобных комнатах.

Складывалось впечатление, что горожане поголовно чего-то боятся, причем так сильно, что избегают даже малейшего шума. Вместе с темнотой над Контрабэллумом нависла такая тишина, какой Бунтарь не ощущал еще ни разу в жизни. Даже самыми тихими ночами на Периферии всегда слышались пение птиц, стрекот цикад, плеск рыбы в озере, шелест листвы, а иногда и храп кого-нибудь из превенторов. Здесь же тишина была настолько глухой, что Первый без труда различал стук собственного сердца.

После стычки с перевозчиками Бунтарь и не рассчитывал на теплую встречу, но к темноте и полному безлюдью посланец оказался не готов. Он не стал кричать, чтобы обратить на себя внимание, – не позволило колющее чувство опасности, которую в Контрабэллуме можно было буквально ощутить кожей. Оглянувшись в последний раз на раскрытые двери лифта – ближайшего к нему источника света, – Бунтарь взял на изготовку пэйнфул и побрел по улице.

В этой гробовой тишине шум прибывшего лифта наверняка был слышен во всем городе – по крайней мере, превентор так думал. А значит, кто-нибудь из горожан рано или поздно заметит идущего по освещенной улице человека. После чего либо даст о себе знать, либо предупредит гостя об опасности, если она все же существует.

А что, если именно он и есть та самая опасность, из-за которой граждане Контрабэллума попрятались по домам и вырубил в городе электричество?..

От этой элементарной догадки ошарашенный Первый застыл на месте и призадумался, не забывая, однако, поглядывать по сторонам. Не исключено, что запертые в шлюзе перевозчики нашли способ связаться с Претором и предупредить его о прорвавшемся в город нарушителе. И хоть Бунтарь не видел у перевозчиков Скрижалей, это отнюдь не означало, что у парней нет других устройств связи, о которых на Периферии не знают.

Значит, освещенная улица – это ловушка. Вероятно, ближе к центру – там, где фонари горят ярче, – на него уже устроена засада. Вступать в конфликт с горожанами не хотелось, но, убежав в темноту, он только укрепит их подозрения. Стычку у шлюза еще можно счесть досадным недоразумением, но игра в прятки с согражданами давала им право обвинить пришельца с Периферии во враждебных намерениях.

Нет, что бы ни ожидало превентора на этой улице, пусть даже самое худшее, он не станет бегать по городу, словно вражеский лазутчик. Ведь Контрабэллум – пусть даже такой мрачный и незнакомый – был родным и для Бунтаря тоже.

– Я вам не враг! – громко провозгласил посланник, нарушая гнетущее безмолвие. – Слышите меня, граждане Контрабэллума? Я – превентор, который присягал вам на верность! Я пришел с миром и не собираюсь нарушать присягу! На Периферии возникли серьезные проблемы, и мне нужно срочно поговорить с Претором! Помогите мне, прошу вас!..

Продолжая уверять попрытавшихся сограждан в своих мирных намерениях, Бунтарь постепенно дошел до места предполагаемой засады. Однако никто так и не набросился на превентора из-за домов и не стал стрелять в него электрическими разрядами.

Еще больше озадаченный превентор остановился под одним из фонарей и огляделся. Не верилось, что призывы посланника не были услышаны. По крайней мере, на этой улице крики гостя уже переполошили бы всех, в том числе и спящих. Бунтаря обрадовал бы любой ответ, даже если бы крикуна попросили заткнуться и не нарушать тишину, – кто знает, возможно, Контрабэллум жил по особому суточному циклу и горожане ложились спать, когда на Периферии царил день.

Посланник почему-то не подумал об этом раньше, но сейчас видел, что город вовсе не спит. Когда эхо от криков Первого улеглось, Контрабэллум снова объяла тишина, такая же плотная, как прежде. Бунтарь подошел к ближайшему дому и заглянул в окно, забранное изнутри жалюзи. Оно было приоткрыто, но темнота в здании не позволяла рассмотреть то, что происходит в комнате. Вернее, то, что уже произошло, ибо вряд ли там находился кто-то живой. С каждой минутой превентор все больше склонялся к мысли, что город попросту вымер...

Постучав в дверь и опять не получив ответа, превентор обнаружил, что она не заперта. Поэтому Первый решил, что если он ненадолго заглянет в дом, дабы выведать, что к чему, этот поступок не будет таким уж непростительным хулиганством...

В течение следующего получаса Бунтарь открыл для себя очень много интересного и пугающего одновременно. Он вторгся почти в два десятка домов на этой и соседних улицах и везде видел одну и ту же картину: комнаты, в которых, судя по всему, уже долгое время никто не жил.

И вообще, осмотренные посланником дома мало чем напоминали жилые. В них имелись помещения, приспособленные для отдыха, где стояли кровати, столы, кухонное оборудование и другие привычные Первому вещи. Но эти помещения были настолько тесными и неудобными, что даже периферийный изолятор казался на их фоне настоящим дворцом.

Основную же площадь исследованных Бунтарем зданий занимало оборудование, укрытое пылезащитными чехлами из прозрачной пленки. Всевозможное оборудование: от небольших настольных устройств до огромных, порой занимающих собой целые залы агрегатов.

Магистраль из разноцветных проводов, идущих от электрических щитов... Пульты с давно погасшими индикаторами и дисплеями... Хромированная сталь и мощная оптика... Штативы и сложные коленчатые манипуляторы, напоминающие человеческие руки... Металлические и стеклянные резервуары различной емкости... Герметичные камеры с массивными дверями и крепкими тройными стеклами... Столы и кресла с широкими пристяжными ремнями и зажимами; их назначение больше пугало, чем удивляло, поскольку было очевидно, что вряд ли кто-то станет ложиться и садиться в эти кресла по собственной воле... А также множество прикрепленных повсюду надписей, схем и таблиц. Если Первому и удавалось их прочесть, то понять смысл написанного он все равно не мог.

Превентор лишь приблизительно представлял, для чего предназначено все это оборудование. Оно немного походило на то, что имелось в травмопункте на Периферии, но количество и ассортимент здешней медицинской техники были на несколько порядков выше. Неужели обитатели подземного города настолько болезненны, что нуждаются в таком крупном больничном комплексе, занимающем чуть ли не половину Контрабэллума? А может, и больше – Бунтарь выборочно проверил дома лишь на трех улицах. Хотя, судя по пышущим здоровьем крепышам-перевозчикам, Первый бы так не сказал.

Именно они не давали превентору окончательно поверить в то, что Контрабэллум по неизвестной причине полностью вымер. А также электричество, которое имелось во всех обследованных Первым домах. Включив рубильник на одном из электрощитов, Бунтарь тут же

оживил заброшенный дом, наполнив его ярким светом ламп, теплом обогревателей и мерным гудением вентиляционной системы. В городе не было проблем с электричеством – горожане просто отключили свет перед тем, как покинули это место.

«Зря волнуюсь, – рассуждал Бунтарь, шагая по темным улицам на сей раз совершенно без опаски. – Это всего лишь служебный район, где никто не живет. Этаким большой медицинский пункт, в котором сегодня уже нет той необходимости, как в первые годы жизни людей под землей, когда они еще только адаптировались к непривычной среде. А свет на улице включили перевозчики, когда проезжали по ней к лифту. Сам же Контрабэллум наверняка расположен в другой пещере. Я, кажется, видел на том конце улицы какие-то ворота. Уверен, туда-то мне и нужно...»

И замер, поскольку заметил неподалеку кое-что любопытное.

Невидимый с главной улицы из-за темноты окраинный район лежал в руинах, будто в центре его разорвалась мощная бомба. Что конкретно послужило причиной постигшей эту часть города трагедии, сказать было трудно, однако случилась она достаточно давно. В воздухе уже не пахло гарью, хотя пожар, судя по следам копоти на стенах зданий, здесь тоже имел место. Да и весь мелкий мусор был тщательно вычищен. Перед Первым громоздились лишь крупные обломки строений, снести которые без бульдозера было бы невозможно.

Превентор присмотрелся внимательнее, после чего удрученно нахмурился и поцокал языком. Походило на то, что взрыв разворотил едва ли не треть всех построек в пещере. Хотелось надеяться, что он случился уже после того, как горожане покинули данную пещеру, хотя логика подсказывала обратное: именно из-за взрыва это место теперь стало необитаемым. А значит, без человеческих жертв тут определенно не обошлось.

Поглощенный созерцанием унылых развалин, превентор поздно обнаружил другую весьма существенную деталь – надо сказать, достойную куда большего внимания, нежели следы былой катастрофы.

В окне одного из домов, что стоял впритык к стене пещеры и был заслонен другими зданиями, горел свет. Маловероятно, что покидавшие место трагедии горожане забыли выключить в том доме рубильник – педантично обесточив каждое здание, они не могли пройти мимо последнего дома со светившимися окнами.

Свет пробивался сквозь жалюзи и щель в неплотно прикрытой двери. Едва заметив во мраке столь многообещающий ориентир, Бунтарь, не раздумывая, направился туда. Кто бы ни находился в доме – ожидавшийся товарищей перевозчик или забредший сюда по служебной надобности медик, – ему волей-неволей предстояло дать ответы на все интересующие превентора вопросы...

Не желая напугать обитателей дома своим внезапным появлением, Бунтарь не стал входить без стука в открытую дверь.

Ответили не сразу. Превентор решил было, что строение и впрямь пусто, однако едва посланник взялся за дверную ручку, как из коридора за дверью послышался приглушенный расстоянием голос:

– Да здесь я, здесь! Входите, лейтенант! Что-то вы слишком долго! Признаюсь, я начал волноваться.

Бунтарь переступил порог и очутился во вполне обычном доме, похожем на те, что посланник сегодня неоднократно осматривал. Разве только планировка комнат была иной, но типичная для здешних домов обстановка – скупая на мебель и богатая на всевозможные технические диковинки, – создавала иллюзию, что ты здесь уже бывал.

Свет, который привлек внимание Первого, горел в маленькой тесной прихожей, а человек, отозвавшийся на стук, находился в одной из комнат дальше по коридору – там, где было включено освещение. Бунтарь смекнул, что его приняли за кого-то из перевозчиков. Поэтому

перед встречей с горожанином снял с головы приметную превенторскую фуражку, по которой тот мог опознать гостя даже в полумраке. Опознать и немедленно кинуться в драку, чего сейчас никак нельзя допустить. А вот форма у превенторов и перевозчиков была почти одинаковая и, в случае конфликта, у Бунтаря имелся-таки шанс успеть вставить в свое оправдание хотя бы пару слов.

– Лейтенант?! – громко осведомился горожанин, видимо, не расслышав шаги посетителя. После чего обеспокоенно выглянул в коридор и столкнулся лицом к лицу с Бунтарем...

Горожанин явно не принадлежал ни к перевозчикам, ни вообще к какому-либо воинскому подразделению. Пожилой, низкорослый и полноватый, он выглядел абсолютно безобидно да и вел себя не так, как его сограждане, встреченные превентором наверху. Одежда хозяина этого жилища тоже не походила на военную: строгий черный костюм и под цвет ему рубашка с маленькой белой вставкой на воротничке, контрастирующей с однотонным одеянием незнакомца.

– Кто вы?! – Человек испуганно отшатнулся и попятился в глубь комнаты. – Я вас не знаю! Откуда вы и что вам здесь нужно?

– Не волнуйтесь, я не причиню вам вреда, – успокоил его Бунтарь и вкратце объяснил, зачем пожаловал. О потасовке с перевозчиками он предпочел помалкивать. Хотя бы до той поры, пока между ним и гражданином Контрабэллума не будет установлено взаимопонимание.

– Простите, откуда вы? – переспросил человек. – С Периферии? Но я никогда не слышал о такой организации! И ваша форма... – Прищурившись, он окинул Первого взглядом с ног до головы. – Ваша форма мне незнакома. Вы – из частной охранной фирмы?

Бунтарь не исключал того, что поскольку превенторам так мало известно о своем подземном городе, то и среди граждан Контрабэллума наверняка есть те, кто никогда не слышал об «Ундециме» и Периферии. Поэтому посланник поведал старичку о месте своей бессрочной службы и людях, которые помогают Первому оберегать Контрабэллум от пришельцев из Одиума.

«Подозрительно, что этот человек вообще ничего о нас не знает, – подумал Бунтарь перед тем, как начать свой рассказ. – Ведь я прибыл сюда с перевозчиками, а этим парням мы все же знакомы».

Однако, как выяснилось, на самом деле старичку было известно о превенторах. Едва Бунтарь обмолвился, что прибыл с внешнего форпоста, куда приходилось подниматься на лифте, как глаза горожанина изумленно расширились, а сам он совершил перед собой несколько странных перекрестных взмахов рукой – так, будто отгонял назойливых комаров, которые здесь не водились.

– О Господи! – взволнованно выдохнул старичок. Ноги у него подкосились, и он обессиленно плюхнулся на стул. – Так, значит, вы – один из них!.. Из тех, о ком говорил покойный мистер Хоторн! Вы – тот самый превентор, и вы сбежали! – Он снова воспроизвел свой непонятный жест, после чего покачал головой, так и не сводя с посланника ошарашенного взгляда. – Господи боже мой, что вы сделали с лейтенантом Биндером и его людьми? Вы их убили?

– С чего вы взяли? – любопытно спросил Бунтарь, раздраженный тем, что все встреченные им сограждане почему-то упорно видели в нем недруга. – С Биндером... – или как его там? – все в порядке. И раз уж на то пошло, это он со своими людьми напал на меня и хотел оглушить вот этой штукой... – Превентор показал собеседнику трофейное оружие. – Я запер ваших друзей в шлюзе. Временно, разумеется. Просто я должен как можно скорее встретиться с Претором, а перевозчики хотели мне в этом помешать. А вы тоже, как погляжу, считаете меня врагом. Успокойтесь, никакой я не злодей. Я человек, охраняющий ворота Контрабэллума. И мне срочно нужна ваша помощь. Проводите меня к Претору, я задам ему несколько вопросов, а потом вернусь на Периферию. Клянусь, что никто при этом не пострадает.

– А если я откажусь? – еле слышно пробормотал старичок. – Что тогда?

– Значит, мне придется искать Претора самому, – пожал плечами Бунтарь. – И запереть вас здесь до моего возвращения, уж извините. Затем, чтобы вы не подняли напрасную панику. А если хотите, чтобы я вернулся скорее и освободил вас, не заставляйте меня бегать по Контрабэллуму и допытывать расспросами горожан, а лучше расскажите, где живет Претор. Итак, вы согласны?

– Это... Это... Нет, этого просто не может быть! – сбивчиво затараторил мнительный горожанин. – Вы, видимо, не понимаете!.. То есть, да – вы совершенно не понимаете, о чем просите! Человек, которого вы называете Претором – мистер Хоторн, – он... он!.. О господи, даже не знаю, как вам это сказать... Кому-то другому сказал бы, а вот вам... Сроду не испытывал такого смятения!.. – Старичок совершил долгий мобилизующий выдох, после чего сразу сник и потупил взор. – Но, с другой стороны, должен же кто-то сообщить вам об этом. В общем, Претор... мистер Хоторн скоропостижно скончался две недели назад после автомобильной аварии. Примите мои соболезнования и знайте, что я скорблю вместе с вами.

– Претор умер? – переспросил Бунтарь, понятия не имея, как реагировать на смерть человека, которого он пусть когда-то и знал, но теперь абсолютно не помнил. – Вы правы – это и впрямь тяжелое известие для нас... Просто катастрофа!

Да, это было самое точное определение того, что случилось в Контрабэллуме. Претор мертв – и отсюда все беды на Периферии.

– И кто сегодня руководит Контрабэллумом? – поинтересовался Бунтарь, осознав только что услышанное и рассудив, что старичок все же говорит правду.

– Кто руководит?.. – Горожанин замешкался. – Вы имеете в виду научно-исследовательский институт Контрабэллум, который основал Крэйг Хоторн, ведь так? Или я вас неправильно понял?

– Какой такой институт? Я имею в виду город, который основал Претор, – уточнил Бунтарь. – Город, в котором вы живете и которому я служу. Так кто теперь руководит Контрабэллумом?

– Ах да, догадался: конечно же, город! – поспешно согласился носитель странного воротничка. Превентору не понравилась такая покладистость собеседника. От нее веяло неискренностью и страхом – вовсе не тем, на что рассчитывал посланник. Вряд ли от такого разговора будет много пользы, но кто еще, кроме этого человека, мог разъяснить Бунтарю, что случилось с привычным ему миром? – Я запомнил: мистер Хоторн и впрямь говорил, что для вас Контрабэллум – это город... который надо оберегать... – И умоляюще посмотрел на потолок. – Милостивый боже, какое же суровое испытание ты мне выбрал!.. Что мне теперь делать, Крэйг?.. Я не имею права разглашать тайну твоей исповеди, но ведь ты же не предупредил, что мне придется общаться с превентором... Ладно, придется взять на душу этот грех. Как вас зовут, мистер?

– Первый... Или Бунтарь. Друзья называют меня и так, и так, – ответил посланник.

– Хорошо, если не возражаете, я буду называть вас «мистер Первый»... Так вот, вынужден сообщить вам, мистер Первый, что после смерти Крэйга Хоторна институт Контрабэллум, – позвольте мне называть вещи их настоящими именами, – полностью прекратил свое существование. Все его движимое и недвижимое имущество перешло к племяннику мистера Хоторна, его единственному наследнику и деловому преемнику – крупному бизнесмену Мэтью Холту. Его собственностью стали в том числе и вы, мистер Первый, и десять ваших друзей-превенторов. Вы меня понимаете?

– Не совсем... Скажите, как мне вас называть?

– Ох, извините, я так переволновался, что забыл представиться. Я – патер Ричард Пирсон, священник церкви Приюта Изгнанников. Называйте меня просто «патер».

– Чем вы занимаетесь в Контрабэллуме, патер?

– Я там не работаю, мистер Первый. Всю свою жизнь я служу Господу и святой Церкви.

– Погодите-ка... – вконец сбитый с толку Бунтарь отложил пэйнфул и тоже уселся на стул. – Те двое, кому вы служите... Их имена кажутся мне знакомыми, но я затрудняюсь вспомнить, кто они такие.

– Сейчас не об этом речь, – отмахнулся Пирсон. – Но раз уж вы свалились мне как снег на голову, я искренне хочу помочь вам разобраться в ситуации. Видите ли, мистер Первый: все, что до сего момента вам было известно о Контрабэллуме, Крэйге Хоторне и о вас самих, мягко говоря, не соответствует действительности. Я немного в курсе ваших представлений об окружающем мире, разве что плохо ориентируюсь в изобретенной Крэйгом терминологии. Поэтому постараюсь изъясняться так, чтобы вам было понятно, о чем я говорю. Контрабэллум – это не город, а военный научно-исследовательский институт. И он – как бы это поточнее выразиться – не живет отдельно от всего остального мира, а является всего лишь его частью. Да, действительно, Контрабэллум расположен под землей, но это объясняется только секретностью исследований, которые когда-то в нем проводились. Иных причин для такой обособленности не было и нет. А мистер Хоторн – основатель этого института и человек, придумавший для вас легенду о подземном городе, жители коего решились на добровольное отчуждение от человечества.

– Но для чего это было придумано? Неужели мы охраняли бы Контрабэллум-институт не так преданно, как Контрабэллум-город? И зачем потребовалось стирать нам память?

– Не торопитесь, мистер Первый, – попросил патер Ричард, – и приготовьтесь выслушать и принять те горькие истины, которые я вам сейчас открою. Возможно, будь на моем месте кто-то другой, он никогда не оказал бы вам подобную услугу или предпочел ложь правде. Но те силы, которым я служу, запрещают мне лгать, какой бы жестокой ни являлась порой известная мне правда... При жизни Крэйг Хоторн был крупной деловой фигурой и главой военно-промышленного концерна. А также моим добрым другом. Он всегда жертвовал большие деньги на нужды нашей церкви, так как с детства был воспитан набожным человеком... Иными словами, свято верил в те же идеалы, что и я, хоть при этом и работал на военную промышленность... Скажите, мистер Первый, вам известно, что такое деньги?

Превентор кивнул. Благодаря Скрижали, он имел представление о деньгах – главной движущей силе Одиума, на которой строились практически все отношения между его обитателями – от деловых до внутрисемейных. Разумеется, Бунтарь догадывался о том, что строительство Контрабэллума тоже не обошлось без огромных денежных вложений. И техника для полного самообеспечения жизни добровольных затворников собиралась в свое время на заводах Одиума явно не бесплатно. Поэтому для превентора не стало откровением, что основатель Контрабэллума обладал солидными капиталами и умел их приумножать. В отличие от остальных загадок личности Претора, эта волновала Бунтаря меньше всего.

– В последние двадцать лет, когда Крэйг Хоторн начал работать исключительно на военно-промышленный комплекс, его пожертвования на благие дела участились, – продолжал Пирсон. – Видимо, таким образом он стремился искупить тот грех... то неприятное для Крэйга обстоятельство, что ему приходилось заниматься разработкой и производством средств для ведения войн. Контрабэллум был лишь одним из многих проектов Хоторна и, пожалуй, единственным, о котором Крэйг сожалел. Однако я узнал о Контрабэллуме всего за два дня до смерти моего друга. Его состояние было безнадежным, и поначалу я полагал, что меня вызвали в больницу исповедовать Крэйга... Вообще-то, это и была исповедь – ведь в свои последние часы Хоторн думал только о вас и о том, что с вами будет после его смерти. Крэйг находился в сознании, но его рассудок к тому моменту был уже не слишком ясным да и сил оставалось совсем немного. Так что, сами понимаете, Хоторн рассказал мне о превенторах совсем немного. И еще попросил скопировать один файл, что имелся у него при себе, в личной информ-консоли. Вот этот документ...

Патер Ричард повернулся к столу, заставленному погасшими мониторами и другим оборудованием. После чего снял с пояса компактное устройство, очень похожее на Скрижаль, только с гораздо большим количеством кнопок. Бунтарь смекнул, что видимо это и есть информ-консоль, только не та, о которой упоминал Пирсон, а его персональная. Скопированный у Хоторна файл, очевидно, находился на ней.

Положив информ-консоль на стол, патер нажал на ней и на ближайшем мониторе какие-то кнопки. А через миг на дисплее появилась картинка, транслируемая консолью посредством встроенного в нее передатчика. Пирсон отстегнул от прибора миниатюрный пульт дистанционного управления и начал с его помощью просматривать всевозможные изображения, меняя их на дисплее одно за другим.

Ничего не говорящие Бунтарю таблицы сменялись такими же незнакомыми схемами и формулами, а затем опять таблицами. За ними пошли графики, похожие на те, что рисовал превентор Зоркий в журналах наблюдения за погодой – Лидер заставлял его вести подробные дневники и отмечать в них все, что происходит на Периферии.

– И что это за документ? – в нетерпении спросил Бунтарь, ничего не смысля в загадочных манипуляциях Пирсона.

– Он касается непосредственно вас, мистер Первый, – отозвался патер, не отвлекаясь от работы, – а также ваших друзей-превенторов. Ведь именно из-за вас и был организован институт Контрабэллум. Вот, пожалуйста, взгляните.

И он указал превентору на дисплей, на котором возникло очередное изображение. Но на сей раз это были не схемы и таблицы, а одиннадцать небольших фотографических портретов, занявших вместе с короткими комментариями весь экран.

Бунтарь подсел к столу. Превентор уже узнал лица, которые продемонстрировал ему патер, – это были лица бойцов «Ундецимы», – и теперь желал прочесть, что написано под фотографиями.

«Превентор №1» – гласило пояснение под портретом Бунтаря, сделанное, по всей видимости, пять лет назад, до того, как Первого поразила амнезия; по крайней мере, он не припоминал, где и когда позировал перед фотокамерой. Взгляд у него был отсутствующий и неживой, словно перед съемкой превентора заморозили заживо.

Собратья выглядели на фотографиях ничуть не лучше, и Первый предположил, что обитателей Периферии засняли не до, а сразу же после процедуры стирания памяти. Вряд ли кто-нибудь из превенторов сумел бы в тот момент воспользоваться Скрижалью; в таком заторможенном состоянии и ложку до рта донести – целая наука. Что ж, теперь Бунтарь хотя бы знал, какими были он и его соратники до того, как их выгнали на Периферию. Возможно, и хорошо, что они не помнили этот малоприятный этап своей биографии.

«Превентор пробный, универсальный, – прочел Бунтарь дальше. – Сильное отклонение от норм по всем приоритетным параметрам (результаты см. в таблице А). Трансформация не окончена. Дальнейшее участие в проекте «Превентор» невозможно по состоянию здоровья. Рекомендовано зачислить в состав резервной группы до особого распоряжения руководителя проекта».

Аналогичные комментарии сопровождали и остальные фотографии. У всех превенторов наблюдались «отклонения от норм по приоритетным параметрам», и все товарищи Бунтаря были отчислены из проекта по состоянию здоровья.

Бунтарь взглянул на комментарий под портретом Невидимки. Единственное отличие Одиннадцатой от остальных превенторов заключалось в том, что у нее загадочная трансформация была доведена до конца. Однако этого достижения явно не хватило, чтобы перевесить прочие недостатки, и Претор Хоторн (а может, кто-то из его коллег) исключил Невидимку из проекта «Превентор» вместе с остальными.

– Вы понимаете, что это значит? – спросил Бунтарь Пирсона, кивнув на дисплей.

– Лишь в общих чертах, – покачал головой патер Ричард. – Перед смертью Крэйг пытался облегчить себе душу, рассказав мне о Контрабэллуме и об одиннадцати превенторах, которые до сих пор думают, что охраняют несуществующий подземный город. Создавая Контрабэллум, Хоторн готовил вам иную судьбу. Судя по названию института – а Крэйг никогда не давал своим проектам пустые названия, – изначально превенторов ожидала участь неких миротворцев – людей, способных предотвращать вооруженные конфликты. Но в итоге все обернулось совсем не так, как планировал мой друг.

Патер тяжело вздохнул.

– Хоторн сказал, что в самом Контрабэллуме сегодня не осталось информации о превенторах, – продолжил он немного погодя. – Проект полностью свернут три года назад, и вся институтская база данных отсюда удалена.

– Проект свернули по причине взрыва? – попросил уточнения Бунтарь.

– Взрыва? – переспросил патер. – Вы говорите о тех развалинах, что находятся неподалеку? Да, я тоже обратил на них внимание... Нет, мне неизвестно, почему свернули проект. Вполне возможно, что из-за аварии. Хоторн сумел дать мне для ознакомления лишь тот материал, что хранился на его информ-консоли, а там ни о взрыве, ни о чем-либо подобном не упоминалось. Меня же так взволновала причина, не позволяющая моему другу умереть спокойно, что я сумел по знакомству раздобыть позавчера у секретаря Холта пропуск в Контрабэллум. По этому пропуску мне удалось попасть сюда вместе с группой снабжения вашего подразделения. Даже не знаю, что я собирался тут отыскать. Просто хотел взглянуть на то место, которое умирающий Холт назвал рукотворным Адом, который он когда-то создал...

– Что за группа снабжения? – осведомился Бунтарь.

– Ее сотрудники входят в состав подразделения по охране Контрабэллума, – пояснил Пирсон. – Другого – того, которое в действительности охраняет этот секретный объект. В свое время институт был основан на месте армейской базы, и формально эта территория до сих пор закреплена за военными. Хоторн финансировал ваше содержание из своего кармана, откуда также приплачивал и военным, чтобы они регулярно поставляли вам продовольствие, медикаменты и необходимые вещи.

– Если институт на самом деле охраняют солдаты, кто же тогда мы? – удивился Бунтарь. – Об этом что-нибудь сказано в ваших файлах?

– Возможно, и было сказано, но... – Патер замялся. – Не знаю, или я так волновался, что допустил ошибку при их копировании, или они изначально были повреждены... В общем, на мою информ-консоль попали лишь жалкие фрагменты отчетов, ценность которых по сути равна нулю. Кроме этих фотографий, я скачал у Хоторна еще уйму сравнительных таблиц и графиков, но в них только числа и больше ничего нет. Обидно, конечно, однако кое-какие выводы можно сделать и на этой скудной основе.

Пирсон удалил с монитора фотографии и вывел на него большую таблицу, разбитую на одиннадцать пронумерованных столбцов – единственный фактор, по которому Бунтарь, не имея под рукой консультанта, смог бы догадаться, что данный материал имеет отношение к «Ундециме».

– Взгляните на даты, мистер Первый, – попросил Ричард, поочередно указав на итоговые графы в таблице. – Более поздних упоминаний о вас и ваших друзьях в переданных мне Крэйгом файлах нет.

– Таблица составлена пять лет назад, – прокомментировал увиденное Бунтарь. – Вероятно, незадолго перед тем, как нас отправили на Периферию.

– Совершенно верно, – подтвердил патер. – Но я ведь говорил вам, что Контрабэллум был закрыт три года назад. Как вы думаете, чем же сотрудники института занимались целых два года после того, как выдворили вас на поверхность?

– Готовили других превенторов, – предположил «забракованный». – Тех, что удовлетворяли всем требованиям Претора и Контрабэллума. Поэтому, возможно, где-то есть другая Периферия, на которой...

– Сомневаюсь, мистер Первый, – перебил его Пирсон. – Из этого подземелья действительно есть второй выход, через который я попал сюда вместе с солдатами, но стерегут эти ворота уже не превенторы, а военные. А ваша Периферия, как я догадался, – всего лишь охраняемая территория у аварийного выхода, сделанного в институте на случай затопления, пожара или еще какого-нибудь стихийного бедствия. Насколько я в курсе, иных выходов, помимо этих двух, отсюда нет... Понимаете, мистер Первый, ваша группа – это всего лишь начальная партия подготовленных Контрабэллумом превенторов. Вы исполняли функции этаких пробных камней, на которых ученые института оттачивали какие-то новые прогрессивные технологии. Но так, очевидно, задумывалось изначально. В процессе исследований вы надорвали здоровье, утратили память, и поэтому вас исключили из проекта. Вы стали неспособны выполнять те задачи, которые собиралось возложить на превенторов их будущее командование. Безусловно, мои слова причиняют вам боль, но вы...

– Боль? – в свою очередь перебил Бунтарь Пирсона. – Патер, я плохо представляю, как слова вообще могут причинять боль, но то, что вы сейчас сказали, звучит довольно неприятно. Мы пять лет охраняли Периферию и считали, что в этом наше предназначение. А теперь выяснилось, что «Ундецима» – нечто вроде картофельной шелухи, которую наш повар ежедневно спускает в утилизатор.

– Не говорите так, мистер Первый, – возразил Пирсон. – Прежде всего, вы – такие же люди, как все остальное живущее на Земле человечество! Вы созданы по образу и подобию нашего Высшего Творца, и никто не вправе считать вас отбросами. Я, Крэйг Хоторн, вы и другие превенторы – все мы равны перед Создателем, какой бы судьбой он нас ни одарил. Гордитесь тем, что вы – человек, обладающее бессмертной душой любимое дитя Творца, и ваша жизнь никогда не будет казаться вам ошибочной.

– Красивые слова, патер, – заметил Бунтарь. – И совет ваш мне тоже нравится, хотя сомневаюсь, что я им воспользуюсь. Просто я всегда считал, что гордость никогда не доводит до добра... Надо полагать, Создатель – это и есть тот Господь, которому вы служите? Это он сотворил меня, вас и остальной мир?

– Воистину так, мистер Первый, – Пирсон смиренно склонил голову. – И что бы в дальнейшем вам ни пришлось на сей счет услышать, помните: патер Ричард сказал вам правду и только правду.

– Что ж, если это так, значит, вашему... вернее, нашему всемогущему Создателю не составит труда вернуть мне память, – попыток превентор. – Это наверняка позволит мне самому вспомнить, кем я был, прежде чем связался с Контрабэллумом. Попросите Творца исправить ошибку Хоторна, раз уж сам Претор теперь не в состоянии этого сделать.

– Я непременно выполню вашу просьбу, как только вернусь в церковь, – кивнул патер. – Но знайте, что вы должны будете попросить об этом Создателя вместе со мной.

– И он меня услышит?

– Непременно, мистер Первый.

– Хорошо, я попробую... когда выберусь на Периферию. Боюсь, отсюда – из-под земли – Творец мою просьбу просто не расслышит.

– Так вы все-таки решили вернуться назад, мистер Первый?

– Да, патер. Товарищи ждут меня с новостями, и я обязательно перескажу им все, о чем вы мне только что сообщили. Вряд ли мне поверят без доказательств, но кто будет сомневаться, того я пошлю сюда – пусть увидит правду собственными глазами.

– Я бы мог предложить вам отправиться со мной, – заявил Пирсон. – Мы привлекли бы к вашей проблеме внимание общественности, рассказали миру о Контрабэллуме и эксперимен-

тах, что здесь проводились. Я – служитель Церкви! Уверю вас, к моему слову непременно прислушаются.

– И что потом? – поинтересовался Бунтарь, не слишком вдохновленный перспективой путешествия в Одиум.

– Как что? – удивленно вскинул брови патер. – Да вы, видимо, еще не осознали всю сложность вашего положения, мистер Первый! Крэйг Хоторн – человек, все эти годы заботившийся о вас, почти как о приемных детях – мертв! Ваше финансирование либо уже прекратилось, либо прекратится в ближайшее время. Племянник Крэйга – Мэтью Холт, – унаследовал от Хоторна пост президента концерна и уже публично заявил о ликвидации убыточных проектов покойного дядюшки! Неужели вы думаете, что Мэтью станет заботиться об одиннадцати превенторах, которых в свое время признали негодными к службе?

– Как же он с нами поступит? Выгонит с Периферии?

Патер Ричард ответил не сразу. Было очевидно, что он знает ответ, но не решается прозвонить его вслух. Однако все-таки заставил себя это сделать, как бы ни тяжело было Пирсону знакомить превентора со своими откровенно мрачными прогнозами.

– Вас готовили в секретном военном институте, – вымолвил наконец патер. – Для чего конкретно – ни мне, ни даже вам неизвестно. Но обратите внимание: Хоторн побоялся отпустить вас на свободу, предпочтя ей весь этот спектакль с подземным городом. Крэйг опасался каких-то нежелательных последствий, которые могли возникнуть, окажись вы за пределами Контрабэллума. Но Крэйг пожелал лично заботиться о вас, а не определять на попечение в какой-нибудь закрытый ветеранский приют. И все потому, что мой друг был добросердечным человеком. А Мэтью Холт – это акула бизнеса. Он беспринципен и не станет тратить время и деньги на то, что ему невыгодно. А пожизненное содержание одиннадцати превенторов вряд ли можно назвать выгодным вложением средств. И на волю Холт вас тоже не отпустит – он и подавно испугается последствий, которые могут испортить ему карьеру и репутацию. Все документы, доказывающие ваше существование, хранятся где-то за семью замками. Поэтому никто не станет беспокоиться, если одиннадцать неволебуемых превенторов вдруг исчезнут без следа. А вместе с ними и многие проблемы, доставшиеся Холту в наследство от дядюшки.

– Нас что, казнят, словно преступников? – неуверенно полюбопытствовал Бунтарь.

Патер вновь тяжело вздохнул и молча развел руками: мол, понимаете, как знаете. Превентор воспринял этот жест как положительный ответ.

– Сегодня утром над Периферией кружил подозрительный вертолет, – признался Первый. – На нем было написано «Звездный Монолит»...

– Вот вам и доказательство! – воскликнул Пирсон, не дав собеседнику договорить. – Именно так называется концерн Хоторна... Вернее, Холта.

– И что, по-вашему, это может означать?

– Все, что угодно, мистер Первый, – пожал плечами Пирсон. – В том числе и то, о чем мы сейчас говорили.

– Вот что, патер... – Бунтарь поднялся со стула, поняв, что возвращение на поверхность не требует отлагательств. – Думаю, вы – честный человек. Не знаю почему, но я вам верю. Даже удивлен, что в Одиуме живут такие отзывчивые люди, как вы. И если вы стремитесь нам помочь, то возвращайтесь к себе в церковь и расскажите людям все, что о нас знаете. А я попробую убедить своих товарищей покинуть Периферию и довериться вам и вашим покровителям. Будем надеяться, что всем нам повезет. Кого бы ни готовили из нас в Контрабэллуме, мы – вполне нормальные люди и не желаем причинять никому зла.

– Что ж, да поможет нам с вами Господь, мистер Первый, – изрек Пирсон и снова воспроизвел свой жест, только на сей раз перекрестив не себя, а Бунтаря.

Превентор решил, что отныне знает смысл этого жеста. Патер отмечал превентора незримым символом, по которому могучая сила, которой служил Пирсон, будет определять Пер-

вого как друга. Бунтарь искренне надеялся, что знак этот сохранится надолго, поскольку ждать помощи отверженным превенторам больше неоткуда...

Глава третья

Воздух в тоннеле, идущем от лифта к карантинному шлюзу, стал другим. Бунтарь определил это, как только очутился наверху: прежняя атмосфера – сырая и тяжелая из-за постоянно закрытых ворот и плохой вентиляции – сменилась свежим, бодрящим сквозняком, весьма приятным для человека, который провел пару часов в подземной пещере.

Вот только на самом деле ничего хорошего в прохладном ветерке не было. Прежде всего, он извещал посланника о том, что шлюзовые ворота стоят нараспашку, а значит, пятеро перевозчиков нашли способ их отпереть и вырвались на свободу. Бунтарь сразу пожалел, что не прихватил с собой в Контрабэллум все трофейное оружие: открыв шлюз, солдаты непременно обнаружили свои пэйнфулы, брошенные Первым в тоннеле. И то, что вооруженные перевозчики отправились не обратно, а напрямик на Периферию, навевало нехорошие предчувствия.

Отругав себя за безалаберность и похвалив за то, что не оставил второпях трофейный пэйнфул в Контрабэллуме, Бунтарь припустил бегом навстречу тревожному сквозняку, гадая, почему солдаты отправились именно в том направлении? Наказать превенторов за тяжкий проступок их товарища? Вряд ли Лидер и остальные превенторы примут за врагов вышедших из шлюза перевозчиков, пока те не начнут стрелять по ним молниями, – а они начнут, поскольку наверняка решили, что гарнизон взбунтовался. Доверчивость к «согражданам» из-за незнания истинного положения дел была чревата для братьев Первого тяжелыми последствиями.

То, что Бунтарь опоздал, он понял примерно на половине пути между лифтом и шлюзом. На Периферии было шумно, причем куда более шумно, чем утром, во время прилета подозрительного «Скайраннера». Посланник еще не видел, что творилось снаружи – изгибы тоннеля мешали этому, – но уже слышал, что ничего хорошего. Снова над форпостом свистел винтами вертолет и, судя по всему, не один. Хватало и других шумов: треск, грохот, и, кажется, человеческие крики; насчет них Бунтарь пока сомневался – в таком гвалте могло почудиться все, что угодно...

Выскочив из тоннеля на свет, ослепленный ярким солнцем Бунтарь поначалу даже не понял, что происходит. В воздухе над Периферией находилось три вертолета – «Скайпортера», каждый из которых был гораздо крупнее того, что навевался сюда утром. Поднятая ими пыль клубилась между постройками и не позволяла толком рассмотреть происходящее. Кое-где в пыли суетились вооруженные люди, облаченные в каски и легкие защитные жилеты. Неподалеку от шлюза несколько бойцов поспешно выпрыгивали из зависшего в метре от земли «Скайпортера». Откуда-то со стороны изолятора сверкали вспышки пэйнфулов – по крайней мере, Бунтарь решил, что видит именно их.

«Скайпортеры», пришельцы, суэта и стрельба на какое-то время дезориентировали Первого, и он, застыв в воротах шлюза, спешно решал, куда ему бежать и что делать. Все планы, которые он обсуждал внизу с патером Ричардом, тут же выветрились из головы. Но тем не менее Бунтарь не намеревался стоять истуканом и ждать, пока его заметят враги. Он не стал бросаться очертя голову на пришельцев, а рванул туда, где вспыхивали молнии и где, судя по всему, все еще продолжался бой...

Но не пробежав и десяти шагов, Первый споткнулся о распостертое на земле тело. Форма лежащего в пыли человека выдавала в нем превентора. Однако определить это можно было только вблизи, так же, как опознать лицо ее носителя.

Бунтарю еще не доводилось видеть полностью обгоревшего человека, и поэтому он не сразу смекнул, что же случилось с одним из его братьев. Пострадавшим оказался Мыслитель. Его лицо, покрытое страшными ожогами, застыло в жуткой гримасе боли, а скрюченные руки с растопыренными обугленными пальцами словно все еще пытались защитить лопнувшие глаза

от убийственного жара. Глеющая униформа и опаленная плоть Третьего источали горелый смрад, от которого Бунтаря едва не вывернуло наизнанку.

Незавидная смерть, которая настигла Мыслителя, выглядела чем-то совершенно нереальным. Бунтарь был твердо уверен, что раньше он не однажды сталкивался со смертью, но наблюдать ее наяву, да еще в таком жутком виде, превентору за последние годы не доводилось ни разу. Поэтому немислимая по дикости гибель собрата ошарашила Бунтаря, словно удар по голове. Яснее ясного, что Мыслитель не собирался никого убивать, да и что он сделал бы со своим примитивным страйкером против облаченных в броню карателей? Однако они непонятно за что безжалостно сожгли не представлявшего для них серьезной угрозы превентора.

Впрочем, почему «непонятно за что»? В отличие от товарищей, Бунтарь уже знал, в чем заключается их вина. Всего лишь в том, что для наследника умершего Претора существование «Ундецимы» стало попросту экономически невыгодным...

Из замешательства Бунтаря вывел женский крик. Крик этот был наполнен столь безнадёжным отчаянием, что пробился даже сквозь свист «Скайпортеров» и прочую какофонию. Так можно кричать только в преддверии неминуемой гибели. Бунтарь не сомневался, что этот голос принадлежит кому-то из их саратниц. Кроме них здесь больше никому не угрожала смерть. Покинув тело Мыслителя, Первый со всех ног бросился на крик...

Бунтарь опоздал: призывы о помощи смолкли еще до того, как превентор определил, откуда доносился крик. Он оборвался, перейдя сначала на хрип, а затем утонув в продолжительном треске, какой могли издавать только пэйнфулы. Бунтаря передернуло: только что одна из его подруг, которой он мог помочь, но не успел, сгорела заживо, как и Мыслитель. Возможно, это даже была Невидимка; определить, кому именно принадлежал голос, он не мог. Первый никогда не слышал, как его товарищи кричат от боли, поскольку раньше никому из них сроду не приходилось становиться жертвой такого насилия.

Пятеро солдат, в которых Бунтарь сразу опознал тех самых перевозчиков – на них не было касок и защитных средств, – сгрудились над обгоревшим трупом в превенторской форме. Перевозчик без оружия – его пэйнфул находился сейчас в руках Бунтаря, – был, видимо, раздосадован тем, что не принял участия в расстреле и потому в сердцах охаживал мертвое тело ногами. Когда-то с таким же остервенением Бунтарь разбил о камень свою Скрижаль. Но то была всего лишь электронная информ-консоль, а здесь человек обрушивал безудержную ярость на другого человека, пусть и мертвого. Однако после того, как Первый увидел, во что превратилась его любимая Периферия, эта сцена его уже не шокировала.

Ярость Бунтаря тоже была готова выплеснуться наружу, причем с не меньшей силой. Но он не позволил злости взять над ним контроль. Молча сдвинув ползунок на регуляторе мощности пэйнфула до крайней отметки, Первый направил ствол оружия в спину пинавшего труп перевозчика и нажал спусковую кнопку.

На сей раз из пэйнфула вырвалась куда более яркая молния. Угодив перевозчику аккуратно между лопаток, она швырнула его прямо на жертву. Истязателя скрутила жестокая судорога, и он упал, словно каменная статуя, – даже не изменив при падении своей скрюченной позы. Китель на спине перевозчика прожгло насквозь, а из дыры в кителе была видна дымящаяся обугленная кожа.

Опасаясь стать легкой мишенью, Бунтарь отскочил в сторону и, заметив, как индикатор мощности на оружии вновь высветил заветные сто процентов, выстрелил в следующего врага. Тот едва успел понять, что же произошло, и как раз разворачивался на выстрел, готовясь открыть ответный огонь. Молния поразила этого противника прямо в движении, и он, крутнувшись волчком, рухнул подле подстреленного товарища.

Бунтарь не мог пока определить, погибли его жертвы или же для их умерщвления требовалось несколько полноценных зарядов. Справедливо полагая, что оставшиеся на ногах перевозчики не простят ему такого вероломства, Первый метнулся за угол ближайшего дома. После

чего шустро обежал его и появился на поле боя с другой стороны, не забывая при этом поглядывать по сторонам: где-то поблизости рыскали другие каратели – хорошо защищенные и, вероятно, лучше подготовленные.

Тройка оставшихся на ногах перевозчиков не стала кидаться вслед Бунтарю скопом, а разделилась, дабы обойти дом и атаковать превентора с двух направлений. Однако противник, двигавшийся навстречу бегущему вокруг дома Первому, похоже не ожидал, что превентор окажется настолько проворным. Бунтарь выскочил из-за угла и едва не столкнулся лоб в лоб с пробирающимся вдоль стены врагом. Перевозчик оторопел и замешкался. Всего на полсекунды, но как только он пришел в себя и надумал угостить врага в упор электрическим разрядом, тот сделал это мгновением раньше.

Хорошо, что в момент выстрела Бунтарь шархнулся в сторону, иначе на сей раз он бы точно нарвался грудью на молнию. А так пришлось опять пронаблюдать, как очередного карателя корежит и валит на землю жуткая судорога. Пока враг бился в конвульсиях, Первый успел выдернуть у него из заостренных пальцев пэйнфул. Теперь Бунтарь был готов угостить любого подвернувшегося на пути противника двойным электрическим разрядом. А если посчастливится, то и вовсе начать выкашивать мерзавцев по двое одним залпом.

Наверное, Бунтарь и его враги выглядели довольно глупо, гоняясь друг за другом вокруг дома. Но Первому в этой игре пока везло, и он не собирался отказываться от примитивной, но выгодной для него стратегии. Решив, что если он поторопится, то сумеет поджарить бегущим за ним врагам задницы, превентор сорвался с места и помчался на новый круг.

Однако перевозчики быстро раскусили, что теперь они сами превратились в жертв, и потому не захотели становиться для Бунтаря легкой добычей. Когда охотник готовился вот-вот настичь противников, те уже убежали с поля боя в сторону зависшего вдалеке «Скайпортера», из которого спешившиеся каратели торопливо выгружали какие-то контейнеры. Две молнии, пущенные навскидку отступающими врагами, прошли высоко над головой Первого, не угодив даже в стену дома.

«Рванули за подкреплением!» – сообразил Бунтарь, подбегая к обожженному телу подруги, вокруг которого и произошла эта скоротечная стычка. Он отлично видел, что уже ничем не может помочь изуродованной ожогами сороднице, просто хотел узнать, кого ему оплакивать сейчас.

Смуглянка... Превентор ощутил новый прилив бессильной ярости от того, что уже ничего нельзя изменить. Но вместе с этим почувствовал и невольное облегчение, что его страхи насчет Невидимки не подтвердились.

Бунтарю было жаль Смуглянку не меньше, чем Мыслителя. Смуглая кожа мертвой подруги превратилась в один сплошной ожог. Не иначе, в Девятую стреляли сразу из четырех пэйнфулов, причем неоднократно. А потом еще били ногами... Если и существовало в природе объяснение такой нечеловеческой жестокости, оно явно лежало за пределами понимания Первого.

Кого теперь следовало защитить? Бунтарь стоял над телом Смуглянки и озирался по сторонам, решая, что ему делать. Спасаться от подкрепления, что с минуты на минуту сюда нагрянет, или же остаться и выместить на карателях всю ярость до капли? Конечно, они всего лишь выполняли приказ, но для Бунтаря это не служило оправданием их действий, а тем более жестокости, с которой эти действия проводились. Привычный мир превратился для превентора в какой-то нереальный кошмар, и куда деваться от этого кошмара, Первому было невдомек.

– Э-э-эй! Эй, я здесь! – вывел его из нерешительности взволнованный окрик. Бунтарь вздрогнул и начал суматошно озираться, пытаясь обнаружить кричащего, чей голос он узнал, даже несмотря на шум вертолетов. – Здесь, здесь, наверху!

Бунтарь оглянулся на изолятор и рассмотрел в облаках пыли машущую ему с террасы Невидимку. Боясь обнаружить себя, она высунулась из-за стойки навеса – так, чтобы привлечь

только внимание друга. Ни слова не говоря, превентор жестом отослал подругу назад, в укрытие, затем еще раз осмотрелся в поисках опасности и, не заметив близкой угрозы, припустил к изолятору. То, что Невидимка жива, Бунтаря несказанно обрадовало, хотя в действительности радоваться пока было нечему. По их Периферии рыскали лютые хищники, готовые в любую минуту отыскать и изжарить заживо последних превенторов.

Сложно было сказать, что вынудило Невидимку искать спасение именно в изоляторе – очевидно, она юркнула в первое попавшееся на пути здание. Бунтарь заскочил в свое прежнее жилище, что еще сутки назад считалось тюрьмой, а сегодня и вовсе могло стать смертельной ловушкой. Закрыв за собой крепкую железную дверь, Первый вдобавок подпер ее под ручку стулом. Сегодня Бунтарь запирался в тюрьме, а не его запирали в ней, поэтому отсутствие на двери внутреннего запора создавало весьма серьезное неудобство.

Невидимка вбежала с террасы в дом и кинулась к другу, который оставил ее всего-то на несколько часов, а вернулся в уже совершенно иной мир, не имеющий ничего общего с прежним. В глазах Одиннадцатой не было страха – лишь те же, что и у Бунтаря, недоумение и злоба. И такая же едва уловимая радость от того, что им вновь довелось свидеться. Правда, неизвестно, надолго или нет, но то, что они оказались-таки вместе, дарило обоим превенторам уверенность и надежды на лучшее.

– Что происходит? Ты нашел Претора? – накинулась на Бунтаря Невидимка. Голос ее срывался и дрожал. – Мы ждали, когда ты вернешься, но тут отовсюду налетели эти люди... Сначала на вертолетах, а затем, когда пришельцы каким-то образом открыли шлюз, оттуда появилось еще несколько человек с оружием. Мы решили было, что они пришли нам на подмогу из города, но оказалось – они с пришельцами заодно...

– Долго объяснять, кто все они такие и что им надо, – отмахнулся Первый, быстро осмотрев подругу и с удовлетворением отметив, что ей посчастливилось избежать вражеских молний. – Там, внизу, я встретился с одним человеком и многое разузнал о Преторе и Контрабэллуме. Новости очень плохие. Нам нельзя больше здесь оставаться – это опасно, и ты уже видишь, почему. Кто из наших еще выжил и где Лидер?

– Лидер погиб... – вздрогнув, словно от удара, произнесла Невидимка. Ей было больно сообщать об этом, но утаить от Бунтаря правду она не имела права. – Когда пришельцы вылезли из вертолетов, Седьмой несколько раз предупредил их, что им запрещено здесь находиться, но они не слушали его. Они вообще не говорили с нами, все время молчали и размахивали вот этими штуками... – Девушка кивнула на принесенное Бунтарем трофейное оружие. – Мы поднялись по тревоге, как и положено. Даже наблюдатель с башни спустился. Мы ждали приказа Лидера. Пока он говорил, пришельцы окружили нас и как-то сумели открыть шлюз. А потом оттуда появились эти... которых мы поначалу приняли за своих. Они начали орать, что ты на них напал и чуть не убил... Тогда пришельцы начали стрелять в нас молниями. Лидер так и не успел отдать приказ, а мы... Мы бросились на них со страйкерами, потому что у нас просто не было выбора... Мне, Смуглянке, Мыслителю, Болтуну и Холодному удалось вырваться из окружения, но потом нас стали гонять по Периферии, и мы потеряли друг друга из вида. Смуглянка погибла, а где остальные, я не знаю... Скажи, ты что, и впрямь напал на тех людей в Контрабэллуме?

– Мыслитель тоже погиб, – сообщил Бунтарь, не отвечая на последний вопрос – что проку в оправданиях, когда уже ничего нельзя изменить? – И мы погибнем, если останемся здесь. Надо уходить с Периферии, и побыстрей!

– А как же Болтун и Холодный? – воскликнула Невидимка. – Вдруг они до сих пор живы?

– Сомневаюсь, – помотал головой Бунтарь. – А если и живы, то где их в этой кутерьме искать? Нас самих уже ищут, а когда найдут, сожгут, как и остальных! К тому же там только что высадились еще одна группа незваных гостей. Так что давай выбираться отсюда, пока «Скайпортеры» не приземлились и не улеглась пыль. Она нам поможет.

– Но куда ты собрался бежать?

– Есть одна идея...

Снаружи слышался топот множества ног. Бунтарь прикинул на слух, что к изолятору приближается не меньше десятка карателей. Они не видели, куда скрылся выживший превентор, – это стало понятно, когда топот сменился мощными ударами в дверь соседнего дома – того самого, возле которого произошла недавняя стычка Первого и перевозчиков.

В доме том никого не было (разве что там могли ненароком оказаться случайно выжившие Болтун и Холодный). Однако, чтобы убедиться в этом, карателям требовалось некоторое время. Примерно столько же времени имелось у Бунтаря и Невидимки для бегства. Кроме изолятора, поблизости располагались еще два строения, но не было никакой гарантии, что преследователи отвлекутся на их обыск. У превенторов оставалась от силы пара минут, чтобы скрыться из убежища, ставшего теперь небезопасным.

Покидать изолятор через дверь означало бы выскочить прямо перед носом у карателей, поэтому Бунтарь подтолкнул подружку к лестнице, ведущей на террасу. Невидимка недоуменно взглянула на Первого, но подчинилась. Ее недоумение было вполне объяснимо: беглецы могли не опасаться прыгать с невысокой террасы вниз, но огораживающая ее решетка препятствовала отступлению из изолятора таким путем.

Впрочем, Бунтарь уже имел соображение, как ему справиться с этой досадной помехой. За три года заточения он изучил каждый пяточок своей тюрьмы и давно убедился, что решетка на террасе была сделана лишь для отвода глаз – чтобы Первый всего-навсего чувствовал себя влачащим наказание узником. Представляй он для собратьев угрозу, Лидер непременно соорудил бы ограждение более прочным.

Всего три удара массивной табуреткой понадобилось Первому, чтобы вышибить один из пролетов заградительной решетки. Едва брешь была пробита, как снизу до беглецов донесся сильный грохот: каратели выламывали ногами заблокированную дверь. Блокиратор из стула был аховый и не мог надолго сдержать напористых преследователей. Помня об этом, Бунтарь грубо подтолкнул Невидимку к проему в заграждении, дождался, пока она спрыгнет, после чего прихватил оружие и, не мешкая, последовал за подругой.

Маячившие на низкой высоте «Скайпортеры» не давали улечься поднятым ими же тучам пыли. Передав пэйнфул Невидимке, Бунтарь прокричал ей на ухо: «Следуй за мной!» и, пригнувшись, двинул перебежками от дома к дому назад, к шлюзу.

Не успели превенторы пробежать и десяти шагов, как у них за спинами что-то раскатисто гроыхнуло, зазвенело и застучало так, словно у изолятора обвалилась целая стена. Перед тем как скрыться за углом соседнего здания, Бунтарь на миг обернулся и заметил, что из дверей, ведущих из изолятора на террасу, валят клубы дыма. По всей видимости, каратели не стали отбивать себе ноги о стальную дверь и попросту вынесли ее посредством взрывного устройства, сэкономив тем самым и силы, и время. Превентор не сомневался, что заблокированный вход и пролом в решетке быстро наведут преследователей на нужный след, и потому в запасе у беглецов оставались буквально считанные секунды...

Неразбериха, которую учинил вернувшийся на Периферию Бунтарь, оттянула вражеские силы к изолятору, поэтому шлюзовые ворота так и продолжали оставаться без присмотра. Освобожденные из шлюза перевозчики бросили шлюз незапертым – видимо, так и не извлекли уроки из собственной безалаберности.

Однако добраться до цели незамеченными беглецам не удалось. Их засекли каратели, которые заканчивали разгрузку «Скайпортера». Забыв о контейнерах, они похватили пэйнфулы и кинулись на подмогу товарищам, прочесывавшим сейчас Периферию.

Бунтарь и Невидимка уже достигли шлюза, когда заметили новую и гораздо более близкую угрозу. Миновав ворота, Первый сразу бросился к знакомому пульта и включил оба подъемника. Многотонные стальные перегородки, от движения которых задрожали стены и пол,

поползли вниз. Выбить ворота той же взрывчаткой, что и дверь изолятора, у карателей уже не вышло бы – здесь нужны были средства помощнее. Однако Бунтарь не забыл, что сказала подруга: пришельцы из Одиума привезли с собой оборудование, при помощи которого могли получить доступ к пульта, даже находясь на Периферии.

Враги хотели было проскочить в закрывающийся шлюз, но две выпущенные по ним из тоннеля молнии придержали их снаружи. Стрелявший наугад Бунтарь ни в кого не попал, зато позволил воротам без помех отрезать его и Невидимку от близкой угрозы. Столько же молний успело ударить в щель с вражеской стороны, но ответный огонь не принес карателям никакого результата. Молнии угодили в стену неподалеку от Бунтаря, оставив на бетоне крупные черные пятна копоти.

Преследователи были полны уверенности, что закрытые ворота для них – не преграда. Однако Первый не собирался бежать дальше, не предприняв все доступные ему меры предосторожности. Ведь не для того он, в конце концов, запирает шлюз, чтобы враги тут же его открыли! Отбежав от пульта, Бунтарь выстрелил в него из пэйнфула, полагая, что для пультавой электроники такой скачок напряжения явно не пройдет бесследно.

Внутри пульта что-то с треском лопнуло и заискрило, дисплей погас, а из корпуса повалил дым. Лампы под потолком моргнули, но не отключились – видимо, питание к ним поступало по отдельной линии. В тоннеле противно запахло озоном и жженой пластмассой.

Другого способа заблокировать многотонные ворота Бунтарь не знал и потому с опаской прислушался, не раздастся ли сейчас гул заработавших подъемников. Гул этот сразу же оповестил бы, что учиненное им короткое замыкание было напрасным и пора готовиться к отражению атаки, поскольку до лифта превенторам уже не добежать.

Но подъемники молчали. Бунтарь и Невидимка облегченно вздохнули – какой-никакой, а успех.

– Они все равно прорвутся, – сказал Первый, не позволяя подруге расслабиться. – Не здесь, так через вторые ворота. Давай-ка поторопимся – надо успеть убраться из Контрабэллума, пока солдаты не перекрыли оставшийся выход.

– Как это? – удивилась Невидимка. – Разве из Контрабэллума есть еще один выход?

– Выход-то есть, – угрюмо буркнул Бунтарь. – А вот самого Контрабэллума как раз и нет... Ладно, бежим, сейчас сама все увидишь...

Теперь Бунтарь не мог пройти мимо стоящего в тоннеле «Квадровила», поскольку этот автомобиль уже фигурировал в его планах. Согласно заверениям патера Ричарда, главные ворота института охранялись солдатами. Прорыв через охрану под прикрытием бронированного корпуса – превентор обратил внимание на его изрядную прочность еще при первом знакомстве с «Квадровилом», – увеличивал шансы беглецов вырваться отсюда живыми.

От Бунтаря требовалось лишь одно: быстро освоить азы вождения тягача и провести его через тоннель к лифту, а оттуда – по Контрабэллуму к главным воротам. А дальше уже будет видно, насколько затянется путешествие, – или превенторов насильно высадят из машины у ворот института, или Бунтарь освоится за рулем и немного покатает подругу по Одиуму. Был еще третий вариант: их обоих сожгут вместе с «Квадровилом» в любой момент этого путешествия. Но Бунтарю перед его дебютом в роли водителя совершенно не хотелось думать о такой крайности.

Еще не пришедшая в себя Невидимка и вовсе чуть не впала в ступор, когда Бунтарь приказал ей лезть в кабину тягача. Разумеется, подруга подчинилась, но только после того, как Первый сам проделал это и протянул ей руку.

– Пока нет, милая. Но стрелять я этим утром тоже не умел, – ответил Бунтарь на вполне закономерный вопрос, умеет ли он управлять этой штукой. – Всеу когда-то приходится

учиться, даже ходьбе. Главное – начать, а там поглядим, вдруг какие-то забытые навыки дадут о себе знать.

Превентор не помнил, кто и когда обучал его ходить, но догадывался, что и в этом деле, казавшемся сегодня таким элементарным, тоже не обошлось без тренировок. Конечно, довести до подобного автоматизма водительское мастерство Первому было не суждено и он понятия не имел, чем завершится эта поездка, но отступить от задуманного Бунтарь не намеревался.

Невидимка недоверчиво взглянула на него, но промолчала, захлопнула за собой дверцу и крепко ухватилась за поручень, дабы не расквасить себе нос. Одиннадцатая явно сомневалась в том, что Первый обладает скрытыми водительскими талантами. Сказать по правде, превентор и сам в это не верил. Но прочность и устойчивость «Квадровила» давали Бунтарю маломальскую веру в успех. По крайней мере, на ровной дороге он уж точно не перевернется и не разобьет технику о стены тоннеля – неизбежные при учебе и уже предсказуемые столкновения.

Пусковой кнопки – той, что, по мнению, превентора, обязана иметься во всех без исключения механических устройствах, – Бунтарь не нашел. Зато отыскал другую – самую крупную и бросающуюся из всех обнаруженных в кабине кнопок: красный кругляш с яркой надписью «Автодрайвер». Его-то водитель-новичок перво-наперво и нажал.

– Внимание! – тут же раздался в кабине приятный женский голос. Несмотря на спокойный тон, голос прозвучал довольно-таки неожиданно. Бунтарь вздрогнул, а Невидимка даже обернулась на заднее сиденье, решив, что в салоне притаился кто-то еще. – Автодрайвер готов к работе. Подождите, пожалуйста, несколько секунд: провожу инициализацию водителя...

По вогнутому узкому монитору, располагавшемуся полукругом перед водителем, побужало повторяющееся сообщение, состоявшее всего из одного слова: «инициализация». Процесс затянулся на добрых полминуты – видимо, системе безопасности не удалось инициализировать новичка, усевшегося в водительское кресло. Но едва забеспокоившийся Бунтарь мысленно поторопил нерасторопного Автодрайвера, опознание тут же завершилось, причем с довольно любопытным для превенторов результатом:

– Здравствуйте, сержант Кэмпбел! – поприветствовал нового водителя Автодрайвер. – Выберите, пожалуйста, режим движения: автономное или ручное управление.

– Э-э-э... автономное, – ответил Первый, немного помешкав. В данный момент постигать науку ручного управления было попросту некогда, тем более при наличии столь выгодной альтернативы. Также не время было выяснять, почему Автодрайвер распознал в Бунтаре некоего сержанта Кэмпбела.

«Да пусть он распознает во мне хоть Всевышнего, о котором твердил Пирсон, – отмахнулся превентор. – Только бы убраться отсюда побыстрее и найти укромный уголок, где можно загаиться. А там уже думать, как быть дальше...»

– Выберите ближайшую контрольную точку маршрута, – потребовал Автодрайвер после того, как на дисплее отобразилось сообщение «автономный режим». Оно подтверждало, что голосовая команда принята.

– Лифт! – теперь гораздо уверенней произнес Бунтарь.

– Вы отменяете прежнюю контрольную точку маршрута: главные ворота объекта «Кей»? – поинтересовался невидимый проводник.

– Нет! – спохватился Первый, живо сообразив, какой из вариантов более рационален. – Оставь маршрут без изменений. Двигайся к воротам, и побыстрее.

– Приказ принят, – доложил Автодрайвер и предупредил: – Будьте осторожны – начинаем движение...

Бунтарь поначалу не понял, зачем из-за спинки сиденья на плечи водителю и пассажиру опустились мягкие, не стесняющие движений захваты. Но потом до него дошло, что таковы требования безопасности. Как только меры предосторожности были приняты, «Квадровил» плавно тронулся с места и покотился по тоннелю, постепенно набирая скорость. Превентор ухва-

тился за рулевое колесо и поставил ноги на педали, но, как выяснилось, «сержант Кэмпбел» в процессе автономного движения был приравнен к простому пассажиру. Все рычаги управления были заблокированы – сейчас оно осуществлялось полностью автоматически.

Многочисленные повороты тоннеля не позволяли тягачу ехать с максимальной скоростью, однако и та, которую он развил, показалась Бунтарю с непривычки довольно большой. Впрочем, откинувшись в удобных креслах превенторам сама поездка не причиняла ни дискомфорта, ни тем более страха. Натерпевшись его на Периферии, сейчас Бунтарь и Невидимка переживали лишь о том, что ждет их в ближайшем будущем, которому они доверяли куда меньше, чем автоматике «Квадровила».

При виде запертых дверей лифта Бунтарь забеспокоился, но Автодрайвер заблаговременно сбросил скорость машины до нуля и сам передал сигнал на пульт подъемника, активировав его безо всякого вмешательства пассажиров. Двери распахнулись, после чего автомобиль аккуратно въехал в кабину лифта, и тот, подчинившись очередному приказу Автодрайвера, послушно повез беглецов вниз.

Бунтарь решил, что, пока они заперты в тесной железной кабине, будет не лишне хотя бы в общих чертах рассказать подруге о том, что с ними стряслось. Уложить в три минуты все подробности этой драматичной истории было, конечно же, невозможно. Но за последний час Одиннадцатая успела привыкнуть к потрясениям. Поэтому рассказ Первого она восприняла уже без того скепсиса, с каким отнеслась бы к словам друга еще сегодня утром.

Да, для Невидимки было тяжело смириться с мыслью, что того Контрабэллума, о каком она всегда знала, попросту не существует. Но когда двери лифта распахнулись и легендарный подземный город предстал перед Одиннадцатой таким, каким он был в свои последние три года, девушка убедилась, что очередная немислимая история Бунтаря на сей раз абсолютно правдива.

Вид мертвого города с одной-единственной освещенной улицей поверг Невидимку в еще большее уныние. Она вглядывалась в темные окна домов, мимо которых проезжали беглецы, и лелеяла последнюю надежду, что ее спутник все-таки ошибается и вот-вот улица наполнится горожанами, готовыми приютить изгнанных с Периферии превенторов.

Бунтарь молчал, поскольку прекрасно понимал чувства подруги, – не так давно сам пережил подобное разочарование. Лучше дать Невидимке самой свыкнуться с жестокой правдой, чем лезть к девушке с утешениями. Да и чем, вообще, можно ее утешить? Тем, что, в отличие от своих павших товарищей, беглецы еще живы? Слишком уж зыбким получился бы утешительный аргумент... Хотя за неимением других мог вполне сгодиться и он.

Взволнованный до глубины души патер Ричард пообещал Бунтарю вернуться в Одиум, не дожидаясь своих спутников, с которыми Пирсон сюда попал. Поэтому беглецы не стали заезжать и проверять, убрался священник из института или еще нет, а направились напрямик по проложенному Автодрайвером маршруту.

Но не успел «Квадровил» достичь ворот – контрольной точки, по определению Автодрайвера, – как вдруг Бунтарь встрепенулся и скомандовал:

– Стой!

Автодрайвер повиновался и остановил машину в полусотне метров от цели. Невидимка обеспокоенно посмотрела на друга, ожидая объяснения причины внезапной остановки.

– Нельзя соваться в Одиум без карты, – сказал Первый. – Нужно хотя бы приблизительно знать, что расположено за этими воротами и куда нам затем ехать.

– А куда мы вообще едем?

– Сейчас разберемся... Автодрайвер, покажи план местности, в которой мы находимся.

– Желаете взглянуть на план института Контрабэллум или южного района заповедника «Белые Горы»? – попросил уточнения электронный помощник.

– Второй, – выбрал Бунтарь, наконец-то выяснив, как называется та часть Одиума, в которой располагался институт Крэйга Хоторна.

Приборная панель мгновенно преобразилась в карту, испещренную всевозможными пометками. Расшифровка пометок имела здесь же, в таблице на левом краю дисплея. Однако превентор рассудил, что сэкономит время, если вместо самостоятельного изучения карты воспользуется помощью Автодрайвера. Вряд ли в навигационную систему тягача заложено подробное описание всех отмеченных на схеме объектов, но их названия и кратчайшие пути, какими следовало до них добираться, Автодрайверу безусловно известны.

Для удобства водителя Автодрайвер превратил заданный участок карты в его трехмерную модель, пусть примитивную, но зато куда более понятную, нежели схематическое отображение местности. Благодаря этому Бунтарь получил возможность симитировать экспресс-облет окрестностей института и составить более-менее объективное представление о том, что ждет беглецов снаружи.

Автодрайвер также сообщил «сержанту Кэмпбелу», что не находишься они сейчас под землей, то при помощи орбитального спутника слежения могли бы видеть на карте все, что творится в настоящий момент на поверхности. Все движущиеся объекты и производимые ими действия фиксировались зорким спутником, затем эта информация передавалась Автодрайверу, а он отображал ее на электронных картах в образе простых и понятных символов.

В данный момент карта моделировала ситуацию, которая сложилась в округе, судя по отметке таймера, ранним утром. То есть, аккурат на момент, когда «Квадровил» с контейнером для «Ундецимы» въехал в ворота Контрабэллума и исчез из поля зрения спутника. Не пропади с ним связь, Бунтарь видел бы теперь рыскающие над виртуальным макетом Периферии значки «Скайпортеров» и даже фигурки карателей, конечно, если Автодрайвер строго соблюдал все масштабы. Но превенторы видели лишь то, что привыкли видеть все эти годы, – мирную и спокойную Периферию, где пока ничто не предвещало трагедию, разразившуюся через несколько часов...

Впрочем, сокрушаться об утраченном «форпосте» было некогда. Бунтаря больше интересовал план района, который лежал прямо за этими воротами. Превентор намеревался потратить еще пару минут на изучение карты, однако судьба вновь распорядилась иначе. В который уже раз за сегодня она выкидывала этот номер. Злодейка вела себя так, словно все эти годы нарочно копила для Бунтаря и Невидимки неприятные сюрпризы, чтобы взять да и обрушить их все сразу на головы несчастных превенторов...

Невидимка первая заметила, как начали открываться главные ворота Контрабэллума. Занятый изучением карты Бунтарь не сразу сообразил, о чем возбужденно толкует ему подруга. И лишь проследив, куда она указывала, сумел понять, что именно стряслось.

Согласно карте, перед главными воротами института располагалась небольшая военная база – что-то наподобие Периферии, но гораздо меньше по площади. Гарнизон базы – уже со слов патера Ричарда – состоял из обычных военнослужащих – тех самых, что по договору с покойным Хоторном снабжали превенторов всем необходимым. Правда, при этом количество охранников было раза в три больше, чем бойцов «Ундецимы», а в их арсенал входили уже не страйкеры, а оружие посерьезнее. Вход в секретный военный институт до сих пор охранялся на должном уровне, даже несмотря на то, что никаких исследований в Контрабэллуме давно не велось.

Бунтарь решил было, что ворота открыл Автодрайвер, как до этого он самостоятельно открывал двери лифта. Но тогда электронный проводник каждый раз докладывал о проделанной им работе. Теперь же никакого доклада от него не последовало. Человек, по чьей инициативе был отперт вход в институт, находился по ту сторону ворот. А вот для чего их открывали, Бунтарь мог пока лишь догадываться. Но в любом случае хорошего в этом было мало.

Яркие солнечные лучи хлынули в глаза превенторам, отчего Бунтарь и Невидимка поневоле зажмурились. А когда сумели рассмотреть, что происходит впереди, то обнаружили, что их встречает прямо-таки настоящая делегация: десятка три вооруженных солдат и две перегородившие дорогу легкие бронемшины, оснащенные крупнокалиберными пулеметами.

Без сомнений, упустившие превенторов каратели связались с охранниками у главного входа и известили их о том, что с Периферии в институт проникли враги. Реакция на такое предупреждение последовала незамедлительно: гарнизон, который, разумеется, был в курсе идущей наверху операции, поднялся по тревоге и отправился устранять проблему. Нетрудно догадаться, что очень скоро с той стороны горы к солдатам подоспеет подкрепление на «Скай-портерах», и тогда...

Впрочем, в данный момент беглецам не следовало гадать о том, что еще только будет. Требовалось поскорее разобраться с тем, что уже есть, ибо только так можно было обеспечить себе будущее. А оно стояло сейчас под очень большим вопросом.

– Вперед! – приказал Бунтарь Автодрайверу. – Максимальная скорость!

– Движение невозможно, – отозвался тот. – Дорога перекрыта. Высокая вероятность наезда на пешеходов и столкновения со встречным транспортом. Рекомендуется подать предупредительный сигнал и дождаться, пока...

– Вперед! – гаркнул Первый, стукнув кулаком по рулевому колесу. – Кому говорят: вперед и быстро!

– Движение невозможно, – таким же невозмутимым тоном повторил Автодрайвер. – Дорога перекрыта. Высокая вероятность...

Солдаты тем временем не топтались на месте. Заметив «Квадровил», они нацелили на него оружие и начали обступать тягач беглецов с флангов. Все солдатские пэйнфулы были оснащены фонарями, и потому помимо солнечного на Бунтаря и Невидимку хлынул вдобавок поток электрического света, усилившийся после того, как вражеские броневики включили фары. Оба преградивших путь автомобиля продолжали торчать в воротах, отрезав превенторов от выезда из Контрабэллума.

Пекущийся о безопасности не только пешеходов, но и водителя Автодрайвер мгновенно затемнил лобовое стекло «Квадровила». Бунтарь и Невидимка сразу ощутили себя намного комфортнее, вот только главную причину дискомфорта устранить таким способом было нельзя. Автодрайвер наотрез отказывался решать эту проблему, свято соблюдая гуманные принципы, заложенные в его электронный мозг.

Однако превенторов волновала только собственная безопасность. После того что Бунтарю и Невидимке пришлось пережить на Периферии, им было уже не до гуманизма.

– Ручное управление! – приказал Первый, глядя на приближающихся солдат. Некоторые из них что-то кричали, но толстые стекла кабины не позволяли расслышать, что именно. Впрочем, догадаться об этом было не так уж сложно.

– Высокая вероятность создания аварийной ситуации! – немедленно откликнулся Автодрайвер – Не рекомендуется переходить на ручное управление! Вы уверены, что это необходимо?

– Да!!! – рявкнул Бунтарь, впившись пальцами в заблокированный руль. Солдаты уже обступили «Квадровил», светя фонарями в затонированное стекло. Превентор был убежден, что солдатам не составит особого труда извлечь беглецов даже из наглухо запертой кабины – взорвать дверцу куда проще, чем заклинивший шлюз.

– Перехожу на ручное управление, – перестал артачиться Автодрайвер, видимо, выдав водителю весь положенный инструкцией лимит предостережений. – Соблюдайте осторожность! Напоминаю, что подача звукового сигнала будет производиться автоматически.

Рулевое колесо и педали мгновенно стали послушными. Автодрайвер же отстранился от управления тягачом, оставив в своем распоряжении только клаксон. О чем немедленно изве-

стил и превенторов, и солдат, огласив округу протяжной сиреной. Солдаты вздрогнули и остановились, а один из них угрожающе хлопнул по капоту, после чего демонстративно выставил вперед ладонь. Жест противника недвусмысленно давал понять Бунтарю, чтобы тот не вздумал двигаться с места.

Бунтарь, естественно, это требование проигнорировал, поскольку не намеревался сдаваться в плен. Вдавив в пол сначала левую педаль, а затем, когда стало ясно, что ничего не происходит, – правую, превентор взялся ускоренно осваивать ручное управление автомобиля. Или, говоря словами Автодрайвера, создавать аварийную ситуацию, которой уже было не избежать.

После нажатия правой педали двигатель «Квадровила» взревел с безумной яростью, однако машина с места не тронулась. Бунтарь смекнул, что он все делает правильно и просто не завершил, как положено, стартовый процесс. Недействующим оставался лишь один рычаг – тот, что находился у правого бедра водителя. Поэтому превентор, недолго думая, толкнул его вперед...

От рывка «Квадровила» беглецов вжало в спинки сидений, зато нужный результат был наконец-то достигнут. Под днищем тягача сначала что-то заскрежетало, затем лязгнуло, и он с ревом ринулся прямо на преградивших ему путь солдат. Те как ошпаренные бросились враспынную, а остальные начали палить по тягачу из пэйнфулов.

Молнии опутали грузовик, словно светящаяся голубая паутина. От их вспышек, благо, притушенных тонированными стеклами, Бунтарю почудилось, что они с подругой въехали в искрящийся на солнце сугроб снега, возникший прямо перед ними непонятно откуда. Когда же световая буря улеглась, солдаты уже убрались с дороги взбесившегося тягача, совершенно не горя желанием останавливать его собственной грудью. Да и найдись среди врагов такие герои, все равно остановить таким образом многотонную махину было нельзя.

Выстрелы пэйнфулов не причинили «Квадровилу» никакого вреда – очевидно, военный транспорт был хорошо защищен от подобного рода атак. Автодрайвер продолжал будоражить слух неумолкающей сиреной, от воя которой, казалось, вот-вот обвалятся пещерные своды.

Но Бунтарь не обращал внимания ни на сирену, ни на оставленных позади солдат. Сосредоточившись на управлении, превентор крепко сжимал в руках рулевое колесо и продолжал давить на педаль, при этом стараясь не думать о том, что будет, если он вдруг потеряет контроль над машиной.

Тягач полным ходом шел к воротам. А точнее, напрямиком на перегородившие их вражеские броневики. Столкновение было неизбежным, но Бунтарь и не собирался его избегать. Во-первых, сворачивать попросту некуда. А во-вторых, даже короткого знакомства с немереной мощностью тягача хватало, чтобы понять: он шутя снесет с дороги не только эту технику, но и более крупное препятствие.

Сидевшие в броневиках водители и пулеметчики тоже быстро догадались об этом. Первые взялись поспешно выгонять машины из тесного прохода, а вторые открыли огонь по неумолимо приближающемуся врагу.

С таким оружием превентор сегодня еще не сталкивался. Два крупнокалиберных пулемета начали плевать свинцом и грохотать с такой силой, что вмиг перекрыли своим гвалтом завывание сирены. Бунтарь и Невидимка вздрогнули, когда по кабине «Квадровила» забарабанил свинцовый град. Но лобовое стекло и обшивка тягача выдержали, разве только на стекле появились трещины, а капот покрылся россыпью мелких вмятин.

Продлись обстрел чуть дольше, стекла тягача явно не устояли бы под этим шквалом и разлетелись вдребезги. После чего скоротечное путешествие превенторов разом подошло бы к концу. Но «Квадровилу» пришлось не так уж долго находиться под огнем. Не успели еще беглецы как следует испугаться, а стальной колесный монстр уже со скрежетом крушил солдатские автомобили.

Водители броневиков не имели возможности быстро вывести технику из тесного проема ворот. Перегородив выезд, солдаты сами загнали себя в ловушку. Тягач наступил пятившийся задним ходом вражеский транспорт и врезался бампером сразу в обе машины. Удар придал им дополнительное ускорение, от которого они вылетели из ворот, будто запущенная щелчком пара бутылочных пробок.

К несчастью для находившихся в броневиках солдат, сразу за воротами дорога шла под уклон. Угодив на него, выброшенные тягачом машины помчались еще быстрее. Одна из них пронеслась по склону, выломала задним бортом стену ближайшей казармы и, въехав прямо в здание, застряла в груде обломков.

Экипажу второго броневика повезло чуть меньше. Не удержавший руль водитель на полном ходу развернул машину поперек склона. Мгновение – и она уже кувыркается вверх колесами, на глазах превращаясь в искореженную грудку металла.

Бунтарь имел поверхностное знакомство с картой местности, но этот длинный, идущий от входа в Контрабэллум до ворот военной базы склон все же ускользнул из поля его зрения. Тягач вырвался из подземного комплекса следом за вытолкнутыми им машинами, но благодаря отменной устойчивости не слетел с дороги, а лишь натужно взвыл двигателем – так, словно не катился под уклон, а наоборот, штурмовал с разгона крутую преграду.

– Срочно переключитесь на повышенную передачу! Срочно переключитесь на повышенную передачу!.. – сразу же заладил Автодрайвер. Голос заботливого электронного советчика сопровождался прерывистым сигналом, отнюдь не таким громким, как сирена, но действующим на нервы не слабее ее. Плюс ко всему монитор начал пульсировать тревожным красным светом. Автодрайвер всеми доступными способами старался предупредить водителя об опасности, однако Бунтарь и без подсказки чувствовал, что где-то допустил ошибку. Доносившийся из-под днища тягача мерзкий скрежет сигнализировал об этом не менее доходчиво.

К счастью, за полминуты своей водительской практики Бунтарь переключал всего один рычаг, поэтому быстро сообразил, чего требует от него Автодрайвер. Повторив уже знакомую манипуляцию, превентор с облегчением отметил, что все сделал правильно: завывание и вибрация под днищем машины исчезли, сигнализация успокоилась, а сам «Квадровил» помчался вперед намного резвее – так, словно избавился от невидимой помехи, мешавшей его продвижению.

Функцию последней, пока не используемой Бунтарем педали он выяснил без подсказок, обычным методом проб и ошибок. Благо ошибок не фатальных, за что следовало благодарить плечевые захваты, не позволившие водителю и пассажиру вылететь из кресел и разбить себе головы о бронированное лобовое стекло. Бунтарь решил, что, пока перед ними не возникла очередная преграда, а «Квадровил» катится по прямой под горку, следует проверить, для чего нужна левая педаль, которая оказалась бесполезной при старте.

Для чего именно – превентор уже приблизительно догадался. Но эффект, полученный при нажатии этой педали на большой скорости, Первый как-то не предусмотрел. Его и Невидимку вжало в мягкие наплечники захватов, которые и удержали превенторов в креслах. А вот устройство, способное при резком торможении многотонного «Квадровила» удержать его на склоне, в автомобиле отсутствовало. Разогнавшийся тягач заскреб по бетону покрышками застопоренных колес и начал смещаться влево, постепенно сходя с дороги.

– Что ты делаешь? – прокричала Невидимка, которая до сего момента вполне понимала логику поведения сидевшего за рулем друга.

– Извини... – процедил сквозь зубы раздосадованный Бунтарь, отпуская педаль тормоза и выворачивая руль на прежний курс. Однако неопытность водителя вновь дала о себе знать. Превентор так сильно крутанул рулевое колесо, что идущий в занос «Квадровил» теперь повело в другую сторону, да так сильно, что устранить эту неприятность выкручиванием руля было уже нельзя.

Если бы не угол казармы, которая стояла у самого края дороги и в которую машина беглецов врезалась левым задним колесом, тягач непременно развернуло бы носом к преследователям. Но весьма кстати попавшееся на пути строение остановило неуправляемое скольжение «Квадровила» и не позволило водителю окончательно утратить контроль над автомобилем. Под днищем опять что-то защелкало, после чего занос прекратился. Бунтарь поспешно выровнял курс и повел тягач дальше, вниз по дороге.

Постовые на выезде из базы были крайне встревожены: грохот выстрелов, кувыркающиеся по склону броневики и несущийся зигзагами к воротам «Квадровил» давали понять, что тревога была поднята явно не беспочвенно. Но помешать беглецам покинуть базу двое легковооруженных охранников не сумели. Превенторы с ходу вышибли не слишком прочные ворота и вырвались на свободу.

Выстрелив по разу в тягач из пэйнфулов, солдаты шарахнулись в стороны, а Бунтарь протаранил ограждение, при этом даже не подумав нажимать на коварную педаль тормоза. «Квадровил» переехал сорванные с петель ворота, сломал, словно спичку, шлагбаум за ними и очутился на территории заповедника «Белые Горы» – согласно карте, довольно крупном районе Одиума, где дикая природа бережно сохранялась в первозданном виде.

Впрочем, Бунтаря и Невидимку такие подробности сейчас не интересовали. Прежде всего беглецов будоражил сам факт их появления в Одиуме – ранее запретном для них месте, где, как заверяла Скрижаль, люди не жили, а медленно деградировали, приближая к закату свою некогда высокоразвитую цивилизацию. Из всех легенд, которые выдумал для «забракovaných» превенторов Крэйг Хоторн, лишь одна оказалась правдивой: Одиум и впрямь был жесток с теми, кто по какой-либо причине не вписывался в общепринятые здесь стандарты. Жить в таком мире Бунтарю абсолютно не хотелось, но бежать из него, как это ни прискорбно, превенторам теперь было некуда...

Глава четвертая

«Скайпортеры» не заставили себя долго ждать. Не успел Бунтарь снова потребовать у Автодрайвера карту, чтобы сориентироваться на местности, как позади раздался уже знакомый превенторам шум геликоптерных винтов. А через мгновение две большие черные тени пронеслись над «Квадровилом», после чего прямо по курсу в небе нарисовалась парочка тех самых летательных аппаратов, что доставляли на Периферию карателей.

Обнаружив беглецов, пилоты «Скайпортеров» развернули свои машины и, зайдя точно над целью, стали двигаться параллельно ей, не вырываясь вперед и не отставая. Точно так же Бунтарь истреблял в изоляторе назойливых мух – долго подкрадывался к ползущему насекомому с занесенной мухобойкой, чтобы выгадать момент и нанести один быстрый и точный удар. И сейчас роль мухи играли превенторы со своим неторопливым, в сравнении со стремительными «Скайпортерами», тягачом.

Враг не атаковал беглецов только по одной причине: транспортные геликоптеры не несли на борту вооружение, а пэйнфулы, из которых солдаты могли бы расстрелять «Квадровил» с воздуха, не обладали мощностью, необходимой для такой атаки. Но преследователи определенно что-то замыслили – ведь не собирались же они просто так болтаться в воздухе над угнанным тягачом, пока в баках геликоптеров не закончится горючее?

Бунтарь продолжал гнать автомобиль, петляющей зигзагами по лесу узкой извилистой бетонке; очевидно, строители, прокладывавшие к Контрабэллуму подъездной путь, стремились сберечь как можно больше вековых деревьев. Эта дорога, в отличие от идущей на Периферию грунтовки, находилась в отличном состоянии.

Превентор с радостью отправился бы сейчас по более безопасному пути, нырнув под сень древесных крон, – немного освоившемуся в кресле водителя Бунтарю такое испытание было бы по плечу. Но продраться через густой лес на тягаче было попросту нереально. Поэтому и приходилось маячить на виду у преследователей, ожидая, а вдруг да покажется на глаза какой-нибудь заброшенный проселок, ведущий... Да какая разница, куда ведущий, лишь бы он позволил превенторам оторваться от погони.

Что ни говори, а у мух, на которых когда-то охотился Бунтарь, имелось куда больше шансов избежать гибели, чем у него с Невидимкой. Тяжко было осознавать, что сегодня ты не представляешь из себя совершенно никакой ценности и, стало быть, у Одиума нет даже маломальского повода оставлять тебя в живых. Какой аргумент загнанные превенторы могли предъявить преследователям, чтобы те сохранили им жизнь? Никакого. Ни один довод беглецов не будет принят во внимание, тем более после того, как Бунтарь сжег из пэйнфула нескольких карателей. Поэтому и оставалось превенторам уносить ноги и попутно соображать, где можно раздобыть необходимые аргументы в свою защиту. Ситуацию еще больше осложняло то, что опекун «Ундецимы» – Крэйг Хоторн, – мертв и уже не сможет заступиться за своих подопечных.

Существовал лишь один человек, который продолжал считать превенторов полноценными людьми, не заслуживающими столь суровой участи, – по крайней мере, именно так говорил он Бунтарю сегодня утром.

Патер Ричард Пирсон, слуга Создателя и священник церкви Приюта Изгнанников... Он мог бы и не предлагать свою помощь, ведь Бунтарь не принуждал его к этому. Однако патер почему-то обеспокоился судьбой одиннадцати «осиротевших», по его словам, превенторов. Это опровергало сложившееся у Бунтаря представление об обитателях Одиума, как о поголовно равнодушных и безжалостных людях, коих ничего, кроме денег, не интересовало. Ричард Пирсон был первым человеком из внешнего мира, с которым превентору довелось

побеседовать. Возможно, такие люди, как патер, и являлись для Одиума редкостью, но тем не менее они там были, и это вселяло в Бунтаря надежду на лучшее...

– Внимание, сержант Кэмпбел! – вновь оживился Автодрайвер. – Вас срочно вызывает на связь борт «39—84»! Включаю служебный канал!

И не успел Бунтарь дать на это согласие, как в кабине раздался чей-то незнакомый грозный голос, усиленный громкой связью:

– Превентор «номер один»! К тебе обращается Претор! Повторяю: к тебе обращается Претор! Я знаю, что ты меня слышишь, поэтому приказываю тебе сейчас же остановиться и сдать властям Контрабэллума! Ты только что пересек границу нашего города и если немедленно не вернешься назад, то будешь уничтожен! Выполни мой приказ, и я гарантирую тебе жизнь и освобождение от ответственности за это преступление!

– Претор?! – Невидимка недоуменно уставилась на друга. – Но ведь ты же сказал, что он умер!

Бунтарь приложил палец к губам, попросив подругу помолчать. Обращение Претора явилось и для Первого полнейшей неожиданностью. Надо признать, что поначалу он растерялся не меньше Невидимки и даже хотел подчиниться приказу – все-таки привитый им инстинкт послушания вождю был очень живуч. Однако хроническая строптивость Бунтаря вкупе с его привычкой подвергать сомнению все на свете давно вели внутреннюю борьбу с этим инстинктом. И потому сейчас, когда он вновь дал о себе знать, Первый отреагировал на его проявление с еще большим скептицизмом, чем раньше.

– Я – не превентор. Я – сержант Кэмпбел, – заявил Бунтарь, решив, что отмалчиваться в их с Невидимкой положении не имеет смысла. – Зачем вы преследуете меня, Претор? Что я натворил?

На лице Одиннадцатой опять появилось недоумение. Похоже, она не сомневалась, что говоривший с превенторами незнакомец и есть настоящий Претор. Что бы там ни произошло на Периферии и какие бы истории ни рассказывал подруге Бунтарь, человек, который вещал грозным голосом от лица самого вождя, вызвал бы невольный трепет у любого превентора, кроме, разумеется, скептика Первого.

– Ты что, «номер один», вконец спятил? – возмутился «Претор». – Ты же полчаса назад убил сержанта Кэмпбела! Знаешь, что тебя ждет, если ты попадешь не к нам, а к солдатам из этого... Дьявол, как там его?..

– Одиума, – великодушно подсказал беглец. – И кто такой Дьявол? Ваш советник?

– Верно, из Одиума! – спохватился говоривший. – А Дьявол – да... То есть, нет... Это не имеет никакого отношения к делу, «номер один»! Тебе приказано стоять на месте, а ты еще двигаешься! Или ты отказываешься подчиниться мне, Претору?!

– Что случилось на Периферии, Претор? – полюбопытствовал Бунтарь. Лично он уже убедился, что с ними говорит не вождь, а какой-то самозванец. Осталось лишь убедить в этом излишне доверчивую Невидимку. – За что вы убили моих товарищей?

– Твой командир – «номер седьмой» – подбил твоих друзей к бунту! Ты был не в курсе этого, поскольку товарищи скрывали от тебя свои грязные планы! – не мешкая, ответил «Претор». Очевидно, он готовился к тому, что беглец будет задавать подобные вопросы, поэтому отвечал без запинки. Жаль только, что «уставное» название внешнего мира при этом не запомнил и практически ничего не знал о самих превенторах. Объявить верного служаку Лидера бунтарем – это, конечно, смело! – Мы давно следили за заговорщиками – они намеревались предать Контрабэллум и впустить в него врагов! Мне пришлось наказать предателей по всей строгости! Но ты вне подозрений, так что можешь возвращаться!

– А что стало с «номером одиннадцатым»? – покосившись на Невидимку, полюбопытствовал Бунтарь. По ходу беседы он смекнул, что выдающему себя за Претора наглецу неизвестно о находившейся в салоне «Квадровила» пассажирке.

– С «номером одиннадцатым»? – переспросил незримый собеседник, слегка замешкавшись. Судя по всему, сейчас он спешно изучал список превенторов, дабы выяснить, о ком ведет речь недоверчивый беглец. – С «номером одиннадцатым»... К сожалению, она тоже была замешана в заговоре, поэтому, скорее всего, погибла, как и остальные. Там творилась такая неразбериха, что мы еще не все тела нашли и опознали...

На Невидимку сейчас было жалко смотреть. Если бы Первый не знал так хорошо свою выдержанную подругу, решил бы, что она вот-вот расплатится от обиды, которую ей только что нанесли. Оскорбленная «Претором» Невидимка хлопала глазами и смотрела на Бунтаря, будучи даже не в силах что-либо сказать. Бунтарю захотелось ее утешить, но он передумал: пусть привыкает – это как-никак Одиум, и подобная вопиющая несправедливость встречается здесь на каждом шагу.

– Ты лжешь: никакой ты не Претор и сроду им не был! – злобно проговорил превентор, бросив сочувственный взгляд на шокированную Одиннадцатую. – Ни Седьмой, ни кто-либо еще из «Ундецимы» в жизни не предали бы Контрабэллум! Мои друзья погибли, защищая ваш институт! Это вы предали их, а не они – вас! Будь у меня возможность, я сжег бы тебя, как Кэмпбела и тех остальных, кто убивал моих товарищей! Из нас одиннадцати я – единственный бунтарь! Я один плевать хотел на ваши институтские порядки! И если когда-нибудь на Периферии случилась бы измена, ее затеял бы я и только я! Так и передай своему командиру – этой жадной твари Мэтью Холту: если мне вдруг посчастливится до него добраться, никто и ничто в Одиуме его не спасет! Даже всемогущий Творец!

Как и ожидалось, реакция лже-Претора на это дерзкое заявление последовала незамедлительно:

– Да, Первый, нас уже известили, чем ты знаменит! Вернее, был знаменит, потому что сейчас ты такой же мертвец, как и твои кретины-приятели. Ты прав – я не Претор, но я обязательно передам твои слова мистеру Холту. Пусть он посмеется над тем, что проверещала перед смертью последняя лабораторная крыса его любимого дядюшки! Хочу, чтобы ты тоже был в курсе: тебе осталось жить около... семи с половиной минут! Наслаждайся этими минутами, превентор недоделанный!

Прощания, разумеется, не последовало. О том, что переговоры закончены, беглецы узнали от Автодрайвера, сообщившего им, что «борт 39—84» прервал связь.

Несомненно, что человек, пытавшийся выдать себя за Претора, находился в одном из «Скайпортеров». Тактика врагов была предельно простой: ввести беглецов в заблуждение, принудить их сдаться и тем самым избавить себя от утомительной охоты. Пытаясь реализовать свой план, преследователи не учли только двух нюансов: то, что «номер один» был и без того ко всем недоверчив, а к тем, кто пытался его убить, и подавно; и то, что Бунтарь уже выведал для себя кое-какую правду о Контрабэллуме. Поэтому сегодня водить Первого за нос требовалось уже более изощренными методами.

Однако превентор был уверен, что прошедшие переговоры с врагами стали первыми и последними. То, что палачи вообще снизошли до разговора с жертвой, было само по себе удивительно. Хотя причина тому была элементарна. Просто в данный момент у преследователей не имелось необходимого оборудования, чтобы остановить угнанный тягач. И оборудование это, судя по угрозам лже-Претора, должно быть доставлено сюда с минуты на минуту.

– Что он имел в виду? – с опаской поинтересовалась Невидимка, как только Автодрайвер отключил связь. – Что случится через семь минут?

– Могу спросить, но не думаю, что головорезы Холта раскроют нам раньше времени свои намерения, – резонно заметил Бунтарь. – Однако все равно надо сказать им спасибо за предупреждение... Автодрайвер, где расположена церковь Приюта Изгнанников и как туда добраться?

– Запрос принят, – с готовностью отозвался консультант, после чего снова вывел на монитор виртуальное отображение совершенно незнакомой превенторам местности. А точнее, карту города, как две капли воды похожего на те города Одиума, что демонстрировали превенторские Скрижали: ряды гигантских домов-башен, образующие вычурную сетку улиц, перекрытых «скобами» эстакад и путепроводов.

Естественно, что показанный Автодрайвером макет не давал и малой толики тех впечатлений, которые должны были испытать превенторы при очном посещении этого «сгустка цивилизации». Но даже глядя на примитивную модель знакомого лишь по фотоснимкам города, стало ясно, что заблудиться в нем без толкового проводника – проще простого.

Нужное Бунтарю строение было для пущей заметности подсвечено на макете красным ореолом. Выглядело оно на фоне соседних зданий не слишком внушительно и разительно отличалось от них в плане архитектуры. Было даже странно, что слуги всемогущего Творца предпочитали обитать в таком скромном жилище, разве только это обуславливалось какой-нибудь древней традицией или личным пристрастием самого патера Ричарда.

– Искомый вами адрес обнаружен, – отрапортовал Автодрайвер. – Вся доступная мне информация об объекте «церковь Приюта Изгнанников» выведена на дисплей. Длина оптимального маршрута до объекта – сто двадцать пять километров двести метров. Желаете обозначить церковь Приюта Изгнанников в качестве новой контрольной точки маршрута?

– Нет, – ответил Бунтарь, будучи уверенным, что угроза преследователей – не блеф и вряд ли они позволят превенторам проехать на тягаче такое огромное, по меркам обитателей Периферии, расстояние. «Скайпортеры» продолжали маячить в небе, так и не предпринимая в отношении беглецов никаких действий. Время, отпущенное Бунтарю лже-Претором, истекло, но дожидаться, когда оно истечет окончательно, превентор не собирался. Следующим шагом проштрафившихся карателей наверняка должна была стать серьезная работа по устранению собственных ошибок. Поэтому глупо было надеяться, что боевики Холта будут делать эту работу спустя рукава.

– Запоминай адрес, – приказал Первый подруге после того, как сам запечатлел в памяти ничего не говорящие ему координаты. Следить за дорогой и одновременно считывать данные с монитора было сложно, и пусть Бунтарь пока не сетовал на собственную память, подстраховаться все-таки не мешало. К тому же Невидимка просто обязана знать, куда ей бежать и к кому обратиться за помощью, если вдруг эта погоня завершится для Бунтаря плачевно.

– Запомнила, – подтвердила Одиннадцатая, не задавая лишних вопросов. После того как мнимый Претор объявил ее изменницей и причислил к погибшим, Бунтарь остался единственным, кому она в этом мире доверяла.

– Отлично, – кивнул Первый. – Теперь ты знаешь, куда мы направляемся... Автодрайвер, ты способен на автономное управление «Квадровилом» без водителя?

– Полностью автономное управление «Квадровилом» возможно лишь в экстренных случаях и до достижения ближайшей контрольной точки, – сообщил Автодрайвер. – Если во время движения ваше самочувствие внезапно ухудшилось, вы можете перейти в экстренный режим управления, трижды подав голосовую команду «Тревога!» либо нажав на приборной панели необходимую кнопку. Внимание: после перехода в экстренный режим вы должны оставаться в своем кресле и соблюдать крайнюю осторожность, так как, согласно требованиям медицинских служб скорой помощи, все двери и предохранительные захваты на «Квадровиле» будут автоматически разблокированы.

– Где ближайшая контрольная точка маршрута?

– До следующей контрольной точки осталось полтора километра. Точка расположена у въезда на мост через реку Мелкая.

– Карту! – потребовал Бунтарь, поскольку не видел впереди никакой реки. Прямо по курсу путь превенторам преграждала каменистая гора с отвесными склонами. Дорога могла свернуть и пойти либо вдоль горного склона, либо...

На карте отображался второй вариант – тоннель. Протяженность его была небольшой – сотня с лишним метров, – и уже за ним начинался пологий спуск к реке, протекавшей сразу за горой. Деревянный мост, возле которого располагалась стоянка для наземного транспорта, находился чуть дальше – вниз по течению Мелкой.

Пока Бунтарь сверялся с картой, эскортирующие тягач «Скайпортеры» резко сбавили ход и одновременно разлетелись в разные стороны, словно расступаясь перед невидимым с земли препятствием. Можно было предположить, что вертолетам помешала гора, но уже через несколько секунд превенторы увидели, что это не так.

По небу, видимому в просвет между деревьями, навстречу беглецам двигался еще один вертолет. Перемахнув через гору, он тут же снизился и, едва не задев винтом верхушки сосен, полетел над дорогой. Отмеренный преследователями Бунтарю срок еще не истек, но превентор не удивился тому, что обещанная ему смерть решила явиться досрочно. Он чувствовал: как только вертолет приблизится, произойдет нечто такое, от чего надо держаться подальше. Только вот куда скрыться с узкой дороги, водитель понятия не имел. До тоннеля было еще достаточно далеко, и идущий на сближение вертолет в любом случае перехватит беглецов раньше, чем они достигнут горы.

В поднятой им пыли вдруг образовался странный вихрь, непохожий на обычное завихрение от несущего винта. А в следующий миг до ушей беглецов долетел уже знакомый им пулеметный грохот. Правда, на сей раз он больше напоминал не стрельбу, а рев разъяренного дракона.

Ревущий вихрь стремительно приближался, с легкостью вспарывая прочное дорожное покрытие. Бетон в эпицентре маленькой, но яростной бури разлетался в крошки, а сама она вот-вот была готова накатить на «Квадровил» всей своей разрушительной мощью...

У Бунтаря не оставалось выбора. Он рванул руль в сторону и увел тягач с пути смертельного урагана, который наверняка мог разорвать «Квадровил» на куски с той же легкостью, что и бетон. Машина слетела правыми колесами в кювет и накренилась, но неуклюжий маневр водителя оказался весьма своевременным. Поначалу Бунтарь с ужасом заметил, что и вихрь отклоняется в том же направлении и потому столкновение неизбежно. Но на огромной скорости, с какой сближались палач и жертва, пилоту вертолета было не так-то просто своевременно среагировать на выпад противника.

Так и случилось. Сидевший в вертолете – самом настоящем боевом «Скайтандере» – стрелок заметил отклонение цели, но поскольку летающая машина двигалась столь же быстро, как след от пулеметной очереди, и уже поравнялась с «Квадровилом», экипаж вертолета не успел ни подкорректировать курс, ни перенацелить оружие. «Скайтандер» с шумом пронесся над тягачом, после чего сразу прекратил уже бесполезную стрельбу и, сбавляя ход, пошел на разворот.

Бунтарь поступил разумно, когда при виде опасности не стал сбрасывать скорость. Она-то и позволила тяжелому «Квадровилу» быстро выскочить из кювета и продолжить бегство по дороге, теперь испещренной неглубокими и частыми выбоинами от пуль. До тоннеля оставалось рукой подать, и только в нем беглецы видели свое спасение от небесного охотника. Не оглядываясь, Бунтарь утопил в пол педаль акселератора и погнал автомобиль к горе.

Миновав последний поворот перед тоннелем и едва не слетев при этом с дороги, превентор напряженно вслушивался в нарастающий за спиной гул, ожидая, когда он снова перерастет в убийственный рев скорострельного пулемета. В отличие от водителя, пассажирка могла неотрывно наблюдать за преследователями. Чем она и занялась, став для Бунтаря его дополнительной парой глаз на затылке.

– Не спешит... – сообщила Невидимка другу, глядя, как, развернувшийся «Скайтандер» понемногу набирает скорость, однако не разгоняется, как прежде, а планомерно сокращает дистанцию, выходя на удобную позицию для стрельбы. – Приближается... Метров сто осталось... Уже меньше... Кажется, сейчас выстрелит...

– Держись! – крикнул Бунтарь, снова выруливая на обочину. Он отчетливо видел въезд в тоннель, но добраться до него, не угодив под вражеский огонь, было невозможно – «Скайтандер» приготовился пустить вдогонку превенторам вторую шквальную очередь. Теперь метанием из стороны в сторону от нее не спастись. Пилот геликоптера потому и не приближался к тягачу, чтобы позволить пулеметчику отслеживать на расстоянии любое перемещение цели. Но убежать по прямой и тешить себя жалкой надеждой, что каратели промахнутся, Бунтарь не собирался – такая самонадеянность была бы куда более самоубийственной и точно не довела бы до добра.

Неподалеку от въезда в тоннель, прямо у дороги, стояли рядком несколько одинаковых бревенчатых домиков на высоких сваях. Маленькие и симпатичные, домики словно сошли с картинки, изображающей далекое прошлое Одиума – времена, когда каменные дома считались роскошью, а люди передвигались по дорогам либо пешком, либо на лошадях. Тем не менее на лоне природы эти экзотические строения смотрелись очень органично и вовсе не казались пережитком древности.

Для чего здесь был сооружен этот маленький поселок, Бунтарь не знал, он лишь успел заметить краем глаза торчащий у обочины щит с логотипом Контрабэллума и пометкой «Только для персонала». Как и все здания в пещере, домики на сваях также пребывали в запустении: запертые двери и калитки декоративных заборчиков, давно не стриженные газоны и ни единого обитателя на все придорожное поселение...

Вряд ли то, что вознамерился учинить Бунтарь, могло гарантированно обезопасить его от атаки с воздуха. Но поскольку у беглецов все равно не имелось альтернативы, стало быть, и терять им тоже было нечего. Съехав с дороги, превентор ворвался в заброшенный поселок и, не меняя курса, стал крушить бампером деревянные сваи домиков. Их бревенчатые стены выглядели достаточно крепкими и пробить их тараном с одного удара не сумел бы даже мощный тягач. Однако сваи, на которых были возведены экзотические коттеджи, под натиском «Квадровила» ломались довольно легко. После чего лишённые опор домики обрушивались позади машины и рассыпались, сразу же превращаясь из аккуратных построек в бесформенные груды дерева.

Оружие «Скайтандера» загрохотало, едва Бунтарь врезался в сваи крайнего домика. Но шквал снарядов настиг автомобиль, когда позади него уже выросла гора из бревен, досок и глиняной черепицы. И пусть дерево было не сравнимо по прочности с бетоном, многотонная деревянная преграда, закрывшая тягач от свинцового урагана, неплохо справилась со своей задачей. Отколота пулями щепка взвилась над оседающими руинами, словно стая пчел, а те пули, что пробивали-таки толщу мусора, уже не могли причинить вред броне «Квадровила». Он же упрямо пер через поселок, создавая за собой очередной завал и почти не показываясь на свет из-под груд древесных обломков.

Разумеется, выйти из такой передряги целым и невредимым было попросту нереально. В измятой падающими бревнами и кое-где все-таки пробитой пулями кабине чудом уцелело лишь одно стекло – лобовое. Правда, и его сплошь покрывала сетка мелких трещин, через которую впереди лежащий путь просматривался с большим трудом.

Из-за треска и непрекращающегося грохота обломков по кабине невозможно было слышать, прекратили преследователи огонь или еще нет. Тем не менее после того, как последний коттедж обратился в руины, иных укрытий на пути к тоннелю для превенторов больше не существовало.

Тоннельный «зев» зиял довольно близко, но до него надо было ехать еще несколько секунд. Стрелок в вертолете также знал об этом и потому наверняка уже навел пулемет на дорогу перед въездом в тоннель. Вот теперь превенторам действительно приходилось уповать лишь на то, что враг каким-то чудом промахнется, поскольку больше им надеяться было не на что.

Оставив позади последнее разрушенное строение, Бунтарь вжал голову в плечи и, прикусив губу, направил автомобиль напрямик на цель, ни на миг не забывая, что сам является сейчас такой же желанной целью для карателей. Кому повезет больше: охотнику или жертве? Успеет ли зверь скрыться в норе до того, как ловец спустит курок? Истина выяснится уже через пару мгновений...

– Я его не вижу! – воскликнула Невидимка, озираясь и высматривая преследователей в выбитые окна кабины. – Но он еще здесь!

Шум винтов раздавался откуда-то сверху, но Бунтарь и не пытался определить, куда запропастился враг. Пулемет «Скайтандера» молчал, и этим следовало воспользоваться. Хотя разгадать вражескую тактику можно было достаточно легко. Вместо того чтобы суетливо стрелять по беглецам на коротком отрезке дороги перед тоннелем, солдаты предпочли перелететь через гору, чтобы встретить «Квадровил» на выезде. Разносить из скорострельного орудия единственный в округе мост преследователи, конечно же, не станут, поэтому тягач будет уничтожен либо перед мостом, либо сразу за ним. В любом случае, раскатывать по противоположному берегу реки и крушить придорожные поселки Бунтарю однозначно больше не позволят.

Едва тягач очутился в тоннеле, как Первый сразу же остановил машину и нажал кнопку экстренного режима управления. Автодрайвер – единственный «пассажир» тягача, который во всем этом бедламе сохранял абсолютное спокойствие, – немедленно сообщил, что приказ двигаться к контрольной точке получен, и от «сержанта Кэмпбела» требуется лишь подтвердить его еще раз – либо повторным нажатием тревожной кнопки, либо вслух. Спинка водительского сиденья при этом плавно откинулась в полуопущенное положение – видимо, для удобства почувствовавшего недомогание водителя.

Однако Бунтарь не намеревался продолжать путешествие на автомобиле, который, к сожалению, стал теперь для беглецов не защитой, а обузой. Выскочив из тягача и прихватив оружие, Первый помог выбраться подруге – дверцу с ее стороны намертво заклинило упавшим бревном, – после чего продублировал голосом только что отданную команду и захлопнул водительскую дверцу. Бунтарь опасался, что Автодрайвер откажется вести тягач к контрольной точке без водителя, но электронный проводник беспрекословно подчинился приказу. Очевидно, в экстренном режиме такое допускалось – например, если вдруг медицинская служба подоспеет раньше и эвакуирует нуждающегося в срочной помощи водителя до прибытия автомобиля на точку.

Пустой «Квадровил» покатил дальше по тоннелю, держа курс на стоянку возле моста. А Бунтарь указал подруге в сторону леса, что стоял стеной за грудой разваленных тягачом домиков, и припустил туда, не забыв перед этим взглянуть на небо. Ни одного охотника в пределах видимости не наблюдалось: вертолеты кружили над противоположным склоном горы, готовясь к финальному этапу этой затянувшейся охоты. Однако каждый из них мог в любой момент вернуться, поэтому только в лесу превенторы получили возможность задержаться и перевести дух.

Разумеется, ненадолго – выяснив, что «Квадровил» пуст, каратели должны были сразу же броситься прочесывать всю прилегающую к тоннелю территорию. Всего лишь пару минут могли позволить себе беглецы, чтобы собраться с силами перед предстоящим путешествием в город – суровые каменные джунгли, сосредоточение всех зол безжалостного Одиума. Бунтарь знал, где следует искать патера Ричарда Пирсона, однако смутно представлял, какие именно

неприятности поджидают беглецов на пути к церкви Приюта Изгнанников. Честно говоря, Первый вообще сомневался, что им с подругой посчастливится туда добраться.

Впрочем, если уж вести речь о сомнениях, то тогда и сама затея превенторов с бегством выглядела бессмысленной. Они не спасали свои жизни – они лишь оттягивали момент собственной гибели. Но долго ли продлится эта отсрочка? Даже вооруженные до зубов преследователи не сумели уверенно ответить на этот вопрос, а значит, для Бунтаря и Невидимки он тоже пока оставался открытым...

– Сроду бы раньше не подумала, что однажды мне придется выполнять твои приказы. И то, что для нас все закончится вот так ужасно... – заговорила наконец Невидимка. С момента, когда превенторы избавились от тягача и углубились в лес, миновало несколько часов, и за все это время Одиннадцатая не произнесла ни слова. Она лишь молча бежала следом за Первым да с угрюмым выражением лица выслушивала периодические просьбы друга поторопиться.

– Ничего для нас еще не закончилось, – отозвался Бунтарь. Он не пытался утешить Невидимку, просто вносил уточнение. – Конечно, трудно за один день привыкнуть к тому, что никакого подземного города нет и не было, а мы охраняли один из военных объектов Одиума. Который, в свою очередь, охранял себя от нас... Но раз уж такова правда, значит, лучше с ней поскорее смириться, чем продолжать терзать себя тем, что целых пять лет нас с тобой нагло обманывали. Давай смотреть на вещи трезво. Я вот тут в последний час кое о чем размышляю...

– Случайно не о том, чтобы остановиться и отдохнуть? Километров тридцать, наверное, уже отмахали. Давно я столько за день не проходила.

Что верно, то верно. Бунтарь остановился и сразу ощутил, как заныли от непривычки натруженные мышцы ног. Для Первого сегодняшний день тоже выдался тяжким испытанием. Когда вчера вечером превентор ложился спать у себя в изоляторе, то абсолютно не предполагал, что через сутки окажется здесь – вдали от Периферии и на полпути к городу Одиума.

Да, прогулка и впрямь выдалась впечатляющей. В ушах Бунтаря до сих пор гремели выстрелы и взрывы, что донеслись до превенторов из-за горы, едва они укрылись в лесу. Это был не просто грохот – это были звуки их несостоявшейся смерти. Выручивший беглецов трудяга-тягач напоролся-таки на шквальный огонь и, судя по всему, взорвался, не доехав до контрольной точки. Превенторы выиграли у преследователей немного времени, но те могли легко отыграть его, поэтому Бунтарю и Невидимке приходилось поторапливаться.

Обогнув гору, беглецы вышли к реке Мелкой, приблизительно в паре километров выше моста. Река полностью оправдывала свое название, хотя почему ее назвали именно так, было все же неясно. Ей больше подошло бы название Быстрая или Бурная – куда более достойное имя, нежели унижительное Мелкая. Бунтарь и Невидимка добрались до ближайшего каменистого порога и, прыгая с камня на камень, переправились через реку. А затем во весь дух припустили дальше, надеясь скрыться из этого района до того, как его заполнят озлобленные каратели.

Помня карту местности лишь в общих чертах, Первый выбрал примерный курс на город и рванул в ту сторону, по пути гадая, какое приоритетное направление для поиска изберут враги: это или все-таки другое. Командиры карателей могли решить, что беглецы побоятся совать нос в многолюдное место и попытаются спрятаться в лесу, вдали от цивилизации.

Взяв темп, Бунтарь не сбавлял его несколько часов, прикинув под вечер, что намотал бы за это время по Периферии не один десяток кругов. Невидимка не отставала от Первого ни на шаг, и превентор подумал, что, наверное, подруга могла бы бежать и быстрее, но берегла силы, подстроившись под умеренный темп товарища...

– Пожалуй, ты права, – озираясь по сторонам, согласился Бунтарь с предложением передохнуть. – Геликоптеров не слышно, они явно ищут нас в другом месте. Так и быть, остановимся ненадолго.

Превенторы как раз достигли озера – не такого широкого, как то, что находилось рядом с Периферией, но тоже довольно большого. Озерные воды заполняли собой котловину у подножия невысокой горы – третьей по счету, которую пришлось огигать на своем пути Бунтарю и Невидимке.

Солнце клонилось к закату, и Первый собирался покрыть до темноты еще какое-то расстояние. Но, утомленный безостановочной и энергичной прогулкой, он так засмотрелся на прохладную и кристально-чистую воду, что уже не мог побороть искушение окунуться. Невидимке определенно хотелось того же – ведь неспроста она заговорила об отдыхе именно здесь.

До этого момента Бунтарю доводилось плавать только в гарнизонном бассейне; Лидер допускал туда смутьяна иногда после выходов на Помост – вероятно, в качестве легкого послабления. Купаться в озере превенторам возбранялось. Это мог бы себе позволить лишь Лидер, так как он один имел право выходить за пределы периметра. Но, во избежание ропота собратьев, Седьмой никогда не пользовался этой привилегией, довольствуясь, как и все, гарнизонным бассейном. И вот теперь, погружаясь в воду далекого от Периферии озера, Бунтарь с грустью подумал, что из всех превенторов только он да Невидимка смогли осуществить это несбыточное прежде желание.

Купались обнаженными, чего раньше никогда не делали в бассейне, – запрещала Скрижаль, поскольку за Периферией могли втайне наблюдать лазутчики Одиума. Здесь же соблюдать прежние правила отпала всякая необходимость – за время бегства превенторы не повстречали в лесу ни одного человека.

Даже несмотря на экзотичность купания, радости оно в этот вечер не принесло. Вряд ли при иных обстоятельствах скинувшие одежды Бунтарь и Невидимка ограничились бы простым созерцанием друг друга – каждый из них отлично знал, чем закончилось бы это их совместное плавание. Однако сегодня оно ограничилось лишь короткой водной процедурой. Усталость, постоянная тревога и подавленное настроение убивали в организме все желания. В том числе и те, которые прежде убить было практически невозможно.

Впрочем, одно желание все-таки давало о себе знать: голод. Сказать по правде, для Бунтаря и Невидимки это чувство было почти неизвестным. «Люди, которые за пять лет не пропустили ни одного обеда» – так, кажется, назвал Бунтарь превенторов нынешним утром. Тогда он еще не подозревал, что этим же вечером устойчивая традиция будет нарушена.

Превенторы сидели плечом к плечу на мягкой травке, обратив лица на закат, и в молчании заново переживали события минувшего дня. Только эти переживания и отвлекали беглецов от голода. У них имелись при себе страйкеры и пэйнфулы, но об охоте пока никто не заикался. Живности в заповеднике водилось много: по пути сюда Бунтарь и Невидимка несколько раз натыкались на диких коз и оленей, которых раньше не однажды наблюдали, когда те порой приближались к Периферии. Бунтарь осознавал, что пройдут еще сутки, и он без зазрения совести пристрелит какое-нибудь животное, разделает его острым камнем, зажарит на огне, разведенном от молнии того же пэйнфула, и доверху набьет свой пустой желудок плохо прожаренным мясом. Но пока голод был не настолько безудержным, чтобы забыть о преследователях и переключиться на добычу пищи.

– Так о чем ты там размышлял, пока мы бежали? – Невидимка первая нарушила тишину, слегка разбавленную пением птиц и плеском прибрежных волн, однако все равно гнетущую, словно перед грозой.

– Об одной странности, – ответил Бунтарь, довольный тем, что подруга не забыла о неоконченном полчаса назад разговоре. Это был хороший признак: значит, смятение мыслей в голове у Невидимки понемногу сходит на нет, а сама она начинает меньше горевать о прошлом

и больше беспокоиться о будущем. В общем, как ей Бунтарь настоятельно и рекомендовал. – Не могу никак понять, почему Автодрайвер опознал во мне сержанта Кэмпбела. Если верить тому лжецу, что выдавал себя за Претора, я убил Кэмпбела на Периферии, когда хотел спасти Смуглянку. Ведь не пройди я опознание, то вряд ли вообще запустил бы двигатель тягача и смог пользоваться его навигационной системой. Это же все-таки военная техника, а не посудомоечный комбайн.

– Впервые вижу, как ты растерялся из-за того, что не можешь что-то объяснить, – заметила Невидимка. – Наверное, и впрямь серьезная загадка. Или же обычная случайность.

– Не думаю, – помотал головой Первый. – Если это и случайность, то слишком невероятная.

– А может быть, ты сделал что-то такое, на что просто не обратил внимание? – предположила Одиннадцатая и уточнила: – Сам всегда говорил, что знаешь об Одиуме гораздо больше, чем ненавидимая тобой Скрижаль. Ты же был в курсе, какую кнопку нажимать, а значит, теоретически мог знать, как запускается и процесс опознания. Ты включил его неосознанно, автоматически, только при этом понятия не имел, для чего он нужен, и потому не запомнил, как это делается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.